

A dramatic illustration of a submarine in a city canal at night. The submarine is dark with glowing orange lights on its conning tower. It is moving through a narrow canal flanked by ornate, illuminated buildings. In the background, a large, multi-tiered cathedral with a golden dome and spires rises against a dark, cloudy night sky. The scene is lit with a mix of warm yellow streetlights and cool blue ambient light, creating a mysterious and historical atmosphere.

**Анатолий
Матвиенко
Подлодки
адмирала
Макарова**

Анатолий Матвиенко

Подлодки адмирала Макарова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70445293

SelfPub; 2024

Аннотация

Роман о подводниках в жанре альтернативной истории, но без «попаданца», потому что наши предки при благоприятном стечении обстоятельств и сами могли добиться гораздо большего. В реальности российская субмарина впервые произвела практический пуск боевых ракет из подводного положения, хоть в это трудно поверить... в начале 1830-х годов! В годы Гражданской войны в США атакой подводной лодки впервые уничтожен надводный боевой корабль. К тому же периоду относятся первые опыты с гибридными двигателями – тепловыми надводного хода и электрическими подводного. Если бы уже тогда, в середине XIX века, российские конструкторы получили достаточное финансирование на создание боевых субмарин и применили ресурсы правильно, отечественный подплав значительно изменил бы ход всех последующих войн, а освоенные технологии подтолкнули технический прогресс, выводя Россию в мировые лидеры с большим отрывом. И так, к погружению стоять... Легко не будет, скучно – тоже. Первый роман трилогии «Наше оружие».

Анатолий Матвиенко

Подлодки адмирала Макарова

Пролог

Железная труба наполнена густым запахом крепких мужских тел. Семеро добровольцев, скрючившись на неудобной скамье, в духоте и кромешной тьме изо всех сил вращают длинный коленчатый вал, проходящий через узкий корпус подводной лодки. лейтенант Диксон из флота Конфедерации, восьмой смертник в железном гробу, снова поторопил: быстрее, пока северяне ничего не заметили. Тяжелое дыхание хрипом вырывается из глоток, грохочут сердца, лопаются легкие, звенят сухожилия. Микроскопическая струя морского воздуха из переднего люка не дает кислорода измученным людям. Если они не погибнут в схватке с врагом, просто умрут от надрыва.

Наверху царило спокойствие. Свободный от вахты старший офицер двенадцатипушечного парохода «Хаусатоник» Александр Берг оперся о леер и посмотрел в сторону берега. Над черной водой клубился легкий туман. За столько лет в Новом Свете моряк успел привыкнуть к мягким зимам. В Санкт-Петербурге, где теплые воды Гольфстрима не балуют обитателей Северной Венеции, ныне куда холоднее. Нева во

льдах, как и Невская губа.

Трехмачтовый паровой корвет ВМФ Федерации вечером 17 февраля 1864 года бросил якорь напротив бухты Чарлстона, Южная Каролина, блокируя морские перевозки южан. Городские огни не видны. Казалось, «Хаусатоник» дрейфует среди Атлантики. Только натянутые якорные цепи свидетельствуют, что мелко и берег близко.

Изматывающая война прошла экватор и катилась к логичному завершению: промышленный Север побеждал аграрный Юг. В свое время она поставила Берга перед выбором. Он предпочел янки. Переехав в свободный мир из Российской империи, Александр не мог понять, как в самой передовой и бурно развивающейся стране может сохраняться рабство.

Вахтенные всматриваются в темные воды. Их предупредили, что оставшийся без серьезного флота противник готов на любую каверзу. На таком малом расстоянии от берега южане могут решиться послать к кораблю баркасы и попробовать взять его на abordаж. Или попробовать подорвать корпус шестовыми минами с лодки. Пять миль – не расстояние, особенно в спокойную погоду.

У конфедератов не осталось кораблей, подобных бронированной «Вирджинии». В позапрошлом году Берг имел сомнительное счастье участвовать в бою «Монитора» против броненосца южан. Получив повреждения от тяжелых снарядов, их уродливая жестянка вернулась на базу. Восстановить

ее некому и нечем.

Побывав в нескольких сражениях на разных типах кораблей, офицер часто думал о том, насколько его познания пригодились бы дома. Несмыываемый позор Крымской войны, где флоты англичан и французов наголову разгромили русских у российских же берегов, давил на душу через пространство и время. Американский опыт боевых операций у берегов, бухт, в устьях крупных рек накапливался в условиях, близких к российским. Понятно, что присутствие Александра на борту одного из устаревших черноморских парусников ничего бы не изменило, да и не принято служить под началом отца – командовавшего в Крыму адмирала Морица Берга. Но... не пора ли назад?

Александр выбил трубку и направился в машинное отделение. Не по долгу службы. Трудно объяснить логически, почему на всех паровых и парусно-паровых судах его манило адское пекло, где у топок снуют голые по пояс кочегары, механики заботливо следят за смазкой трущихся узлов, размеренно двигаются шатуны, шипит пар и, казалось, сам воздух вибрирует в такт механическому сердцу корабля. Так уж выпало с рождения – пережить середину XIX столетия, когда машины стали безжалостно вытеснять паруса, коней и мышечную силу человека.

На стоянке и под парами здесь несут вахту всего четверо. Молодой мулат Том с громкой фамилией Вашингтон, заведующий филиалом ада на «Хаусатонике», поднялся в при-

сутствии офицера. Темнокожий на таком ответственном месте – редкость. Обслуживание машин и на Севере оставалось привилегией образованных белых парней, о Юге говорить не приходится. Тем более старший механик, унтер-офицерская должность.

У топки бездельничают двое чернокожих кочегаров. Это – норма. Простые крепкие парни, понимающие две основные команды: бросать уголь или расслабиться.

Из недр машинного отделения, заполненного трубопроводами, вентилями и кучей разной арматуры, бросающей несведущего в оторопь сложностью конструкции, вышел второй механик Джим, протирая руки ветошью. В русском флоте такие носили звание кондукторов.

– Сальник потек, сэр. И два клапана скоро менять.

Его лицо выражало важность маленького человека, получившего возможность высказать старшему в лицо незыблемую истину, о которой он предупреждал, и его не послушали. Сегодня наступил, наконец, великий день, когда с торжествующим видом можно заявить: «Я же говорил!»

Александр не стал портить ему удовольствие.

– Хвалю за бдительность, Том, – он повернулся к мулату. – Две сотни миль старушка осилит?

– Куда ей деться, как говаривал мой дядя Сэмюэл, хватая курицу за шею, – на светло-шоколадном чумазом лице мелькнули белые зубы. – А дома сразу в ремонт. Иначе только под парусом.

Кораблю всего три года. Однако они вместили больше, чем иному борту выпадает лет за десять. Непрерывные походы, несколько боев с конфедератами, обстрелы южных портов и изнуряющие операции по блокированию морских перевозок утомили не только людей, но и технику. Дать машине ремонт – и она отлично послужит до конца войны. Дай Бог, недолго осталось.

Плавные мысли Берга нарушил доносящийся сверху шум. Дремавший корабль вмиг наполнился сотнями звуков: свистками боцманских дудок, грохотом ног по металлу, лязгом якорных цепей и несколькими ружейными выстрелами. Тревога!

Переговорная труба проорала команду: «Полный вперед!» Механики бросились к вентилям, открывая путь перегретому пару в цилиндры, а офицер кинулся к узкому железному трапу. По боевому расписанию ему надлежит быть на мостике.

Мощный удар сбросил Берга со ступеней, уши заложило от грохота. Он ударился о металлический настил. Сверху накрыла ледяная забортная вода.

Александр вскочил на ноги. На него обрушилась волна обжигающего пара: залило топку. Погасли лампы, кроме одной возле выхода. В полумраке мелькнула тень, панически взлетевшая вверх по трапу. Раненым зайцем вскрикнул и затих обваренный кочегар.

– Гот дэмед! – раздалось совсем рядом. – Помогите!

Берг машинально сунул руку на голос, наткнувшись на мокрую ткань матросской робы.

– Не могу встать! – взвыл Том, вцепившись в офицера.

Поскальзываясь на мокром металле и с трудом борясь с прибывающей водой, Александр волоком потащил мулата к трапу. Когда левая рука нащупала поручень, погасла последняя керосинка. Воздух обжег легкие отравой, не давая ни капли кислорода. Темнота перед глазами наполнилась оранжевыми кругами.

– Том, не лапай меня, как бабу! Держись за трап!

Берг почувствовал, как мокрое тело мулата проскользнуло мимо к спасительному люку. Из последних сил Александр заработал руками и ногами, вытолкнув себя на палубу, где рухнул на доски рядом с механиком.

Том пришел в себя первым, тяжело встал, ухватившись за комингс и опираясь на одну ногу. По второй обильно сочилась кровь.

– Тонем, сэр! Нужно к шлюпкам.

Темная рука безо всякого почтения рванула за офицерский мундир, придавая его обладателю вертикальное положение. Берг прокашлялся. Кажется, с каждым выдохом вылетает кусок легкого.

– Двое остались в машинном.

– Да примет Господь их души, сэр!

Цепляясь за стенку надстройки, они потащились к шлюпбалкам, у которых кипела работа.

«Хаусатоник» быстро тонул. За каких-то минут пять вода преодолела половину расстояния с полосы ватерлинии до палубы. Когда их шлюпка удалилась не более чем на сотню ярдов, корпус погрузился под воду. Едва различимые во тьме, над поверхностью маячили стены. Не прошло минуты, как пучина поглотила и их.

Воронка на месте гибели корвета мощно потянула назад две последние шлюпки. Матросы изо всех сил налегли на весла, аж древки затрещали. Наконец, водоворот стих, лишь невысокие волны трепали деревянную мелочь. Из воды вытащили троих спасшихся.

– Нам повезло, сэр, – заявил Том, меняя пропитанную кровью тряпицу на свежую. Как раненый, он сидел на носу рядом с офицером, наслаждаясь парадоксом – белые гребут, темный отдыхает. – Не взорвался котел. Иначе давно кормили бы рыб. Они всех нас любят, без разницы от цвета кожи.

Шлюпки взяли курс на север вдоль побережья. Утром их подобрало судно Федерации.

Много позже Берг узнал, что потрясающую по дерзости и отваге атаку произвела полупогруженная подводная лодка «Ханли», подорвавшая корабль северян шестовой миной и вскоре затонувшая сама вместе с экипажем из восьми человек. На «Хаусатонике» погибло пятеро. Зато психологический эффект от атаки превзошел любые ожидания. Многие из экипажа американского корабля под страхом виселицы отказались служить на флоте. Им мерещилась зловещая про-

долговатая тень, которая может выскользнуть откуда угодно и одним ударом утопить мощный корабль, ранее казавшийся эталоном надежности и безопасности.

А русского моряка замучили совершенно иные мысли. Он постоянно думал о том, что, будь в Севастополе хоть одна подобная «Ханли» субмарина, ужас от незримого и потому неотразимого врага заставил бы англо-французскую эскадру несолоно хлебавши убираться к Босфору.

Часть первая

БАЛТИЙСКИЕ ГЛУБИНЫ

Глава первая

Через три года после описанных событий пассажирский состав тяжело штурмовал подъем в горах Западной Виргинии, направляясь к Чарлстону. Городов с таким названием в Соединенных Штатах более полудюжины. В отличие от порта в Южной Каролине, где затонул «Хаусатоник», здесь сплошные шахты, вагонетки, открытые разрезы, отвалы руды и прочие признаки угольного промышленного бума.

Паровозный дым стлался вдоль колеи, периодически шкодливо цеплял стекла обоих вагонов, наполняя их характерным запахом всех железных дорог мира. Немногочисленные пассажиры, большей частью дремавшие на жестких деревянных скамьях, сносили это неудобство стоически. Многие из них помнили времена, когда единственным средством

транспорта внутри материка служили медлительные повозки, а любое серьезное путешествие растягивалось на месяцы, проведенные в ожидании нападения индейцев и просто залетных бандитов.

Том Вашингтон рассматривал зимние пейзажи, мысленно прощаясь с Америкой. Пусть его корни в Африке, а здесь до сих пор линчуют негров, наплевав на поправки к Конституции, он считал американский юг своей родиной. В Луизиане могила матери. Беспутный белый отец, о котором мама категорически отказалась говорить, где-то тоже неподалеку, если не погиб в армии конфедератов. Непонятная Россия ничем не привлекательна, кроме одного – туда едет и зовет с собой сэр Алекс, единственный друг.

Напротив пары бывших моряков федерального флота сидела на редкость колоритная тройца. Худой и высокий мужчина лет тридцати в ковбойской шляпе, грязном шейном платке, кожаной куртке и штанах с бахромой по боковым швам был окружен двумя молодцами с выражением горилл. Ближний к окну примат, невысокий, полноватый и часто промакивающий лысину, несмотря на нежаркую погоду, одной рукой был прикован к ковбою. Тот, что у прохода, сидел неподвижно, изредка кидая косой взгляд на среднего пассажира.

Отсутствие звездочек, грубая одежда привычных к большой дороге людей и характерный профессиональный взгляд выдавали в них хедхантеров – охотников за головами, отлав-

ливавших дичь, за которую власти городов и штатов назначали награду. Небритая физиономия ковбоя с фингалом под глазом замечательно подходила к плакату со словом «разыскивается» и суммой вознаграждения в тысячу долларов. К тому же у охотников имелись «кольты» и винчестер, а парень в стетсоне выглядел голым без оружия.

Он же первым прервал молчание, хотя остальных мужчин совершенно не тянуло на разговоры.

– О'кей, парни. Вы с флота Соединенных Штатов.

– Нет, белый. Форму купили на распродаже, – продемонстрировал Том свой сварливый характер.

– Тебя не спросили, уголек. Думаешь, вам права в Конституции написали, сразу вякать можешь?

Толстяк дернул за цепь.

– Заткнись, Малыш Джон. У тебя единственное право – на веревке болтаться. Завтра ты его получишь.

– То – завтра. А сегодня я полноправный гражданин Соединенных Штатов.

– А пару лет назад был гражданином Конфедерации? – спросил Берг, услышав тягучие южные нотки. – Откуда?

– По-разному. Тиксас, Флорида, Луизиана, Миссисипи.

– И там ты тоже в розыске, – поддакнул конвоир.

– Куда податься герою войны после демобилизации? Не к синим же.

– Где ж ты нагеройствовал? – полюбопытствовал Александр.

– На флоте, – с вызовом заявил бандит, показывая своим видом: ну и ввалили же мы вам. В действительности дело обстояло наоборот.

– На каком? Плавал между почтовыми каретами и банками?

– Обижаете, сэр. Броненосец «Вирджиния», наводчик девятидюймового орудия левого борта.

Русский впервые почувствовал прилив интереса.

– И до какого времени пришлось нести службу?

– Известно. До мая 1862 года. – Ковбой закинул ногу на ногу. – Мы в марте накостыляли вашим у Хэмптон-Роудс, двух затопили, двух забили до смерти. «Вирджиния» стала на ремонт в Норфолке. До сих пор, наверно, стоит. А в армии генерала Ли мне не понравилось. Сухопутные крысы ничего не смыслят в настоящей артиллерии.

– И ты поменял девятидюймовый калибр на сорок пятый, – догадался Берг. – Выходит, ты – наш союзничек, грабил тылы южан, помогая федеральной армии?

– Не без этого, – гордо заявил канонир.

– После войны начал пакостить севернее: на Великих равнинах и на Восточном побережье, – хмыкнул горилла. – Партизан, мать твою.

– Что же делать? – ковбой развел руками, цепь звякнула. – После войны на Юге бедно. Надо восстановить справедливость. А вы, сэр, где нашивки заработали?

– На забитом насмерть «Мониторе», который не получил

ни одной пробоины. Вы героически смылись, не прорвав блокаду.

– Ни хрена гребаного не понимаю, – ковбой почесал щетину. – Я лично положил вам три ядра ровно под ватерлинию. Стреляли и болванками, и разрывными. Не думайте, сэр, Малыш Джон зря не хвастает. Все же интересно – почему?

– Нет никакой загадки. Видел, какой низкий у «Монитор» надводный борт? Меньше двух футов. Как плотик. Он весь такой. Подводная часть гораздо уже надводной. Твои ядра проходили через несколько ярдов воды. Если и достигали обшивки, то вежливым стуком в дверь, а не таранным ударом.

– Черт! Получается, вода – лучшая броня. Бесплатная, и ее везде завалишь.

– Не совсем, – Берг с усмешкой посмотрел на уголовного теоретика судостроения. – В России в сороковых годах взрывали подводные заряды в пяти-семи футах от деревянных судов. Их разносило в щепки. Вода бережет от ядра. Ударную волну от пороха проводит. Коварная, брат, стихия.

– Не о том заботишься, Малыш, – хохотнул толстый конвоир. – Думай, что завтра Святому Петру скажешь.

– А, ему говори, не говори, все одно дорога в ад. Про пушки и корабли с ним языком не зацепишься.

– Скажи, Джон, – наклонился к нему Александр. – Если бы тебя не списали на берег, ходил бы до сих пор или все же

переметнулся к бандитам?

– Честно – не знаю. Да и грабитель из меня никакой. Лишь раз подфартила удача, и то я здесь, – ковбой показал на соседей. – Лучше бы с кораблем отправился на дно. Говорят, с пузырями душа прямиком уходит к Богу.

– Тогда запасай пузыри, – угрюмо рявкнул доселе молчавший охотник. – Завтра понадобятся.

Тем временем поезд одолел подъем. Справа показалась отвесная стена в каких-то полутора ярдах от окон, слева сравнительно ровный кусок. Состав не успел набрать ход, как словно из-под земли к рельсам выскочила дюжина всадников.

В вагоне закричали: «Индейцы!» Том беспокойно глянул в окно. Черных туземцы обычно отпускают с миром, считая их жертвами белого произвола, правда, обдирая до нитки. Увы, большинство всадников выглядело примерно как Малыш Джон, а не краснокожие герои Фенимора Купера.

Передние грабители умчались в голову состава. Несколько пуль продырявило вагон, посыпалось стекло. Толстый хантер охнул, осел мешком, уронив голову.

Ковбой глянул на труп и без малейшего уважения ткнул его в бок.

– Ты у Святого Петра раньше меня будешь, парень, замолви словечко.

Затем оценивающе осмотрел всадников.

– Якорь мне в зад, если это не мальчики Делтона Лэнга.

– Тебе виднее, – Берг вытащил «кольт» и взвел курок.

– Твою мать! Они свидетелей не оставляют. Слышь, кэп, не дадим сухопутным крысам нас поджарить?

С ошеломляющей скоростью Малыш выдернул револьвер из кобуры мертвого и дважды выстрелил, оттягивая курок свободной от цепи рукой. Две ближайшие лошади остались без седоков.

– Не балуй! Брось ствол, – дуло винчестера уперлось в ковбойскую шляпу.

– А то что? Сдашь в Чарльстоне мою отстреленную башку?

– За нее не меньше дадут. Что вы делаете, сэр?!

Берг обошел конвоира, не сводя с него черный глаз «кольта».

– До Чарльстона нужно доехать живыми. Пока вокруг бандиты, нам нужен его револьвер.

– Вы не понимаете, что это за тип, сэр!

От окна раздался еще один выстрел. Малыш перебил пулей цепь и начал деловито переправлять патроны охранника в свой карман.

Воодушевленные попаданиями ковбоя остальные мужчины в вагоне тоже начали постреливать в окно. Поезд меж тем стал заметно сбавлять ход. Кто-то из налетчиков проник к машинисту.

Заметив потери, бандиты открыли частый огонь по вагону. Ковбой трижды выстрелил, укрываясь от пуль за мерт-

вым толстяком. Роль щита выполнил и владелец винчестера, схлопотавший в грудь. Берг подхватил его оружие и кинулся за мулатом, который сполз вниз, змеей скользнув по проходу в сторону передней двери.

Поезд стал. Пара моряков с погибшего корвета выскочила к скале. Чтобы не светиться перед бандитами, они стали за колесной парой.

– Что будем делать, сэр? Я хороший механик, но стрелок так себе, – прошептал Том.

– Пока молчи и гляди в сторону локомотива. Думаю, наш новый дружок о себе заявит.

– Вы обо мне? – Малыш Джон вынырнул из-под днища вагона, прислонился к скале, откинул барабан и перезарядил револьвер. – Лихих парней осталось штук семь или восемь, но злые какие-то.

В вагонах застучали выстрелы. Скорее всего, там добивают раненых.

– У ребят появилось занятие: грабить. Пока они в деле, я двигаю к задней площадке. Буду признателен, сэр, если вы пригнетесь и обойдете паровоз. Снаружи наверняка кто-то остался на коне, а у вас винчестер.

Берг и Вашингтон тронулись вперед, стараясь как можно тише ступать по щебенке. Когда поравнялись с кабиной, увидели мертвых машиниста и кочегара.

– Сэр, давайте я трону состав? Часть бандитов отвлечется.

– На нас? Ты смелый, даже слишком. Ладно, действуй.

Том за считанные секунды разобрался в рычагах «маленькой» и «несерьезной» машины. Паровоз зашипел, грохнул сцепным устройством и медленно тронулся к Чарльстону. Чуть высунувшись с левой стороны, Берг увидел, как из вагонов вылетели двое, один выстрелил, второй прыгнул на лошадь. Не имея опыта в стрелковых играх на опережение, Александр аккуратно прицелился и влепил пулю в стрелка, дернул скобу вниз и выстрелил во всадника. В этот миг локомотив тряхнуло на стыке, свинец улетел в молоко. К счастью, промазал и всадник, оставив зловещую метку в дюйме над головой Берга, третья пуля которого попала в лошадь.

– Сэр! Давайте отцепим тендер и свалим.

– Сможешь на ходу? Сцепное, тормозное, водяная магистраль.

– Жить захочешь – и не такое получится!

Следующая пуля прилетела откуда-то сверху над угольным бункером. Александр рывком втащил в будку механика.

– Не высовывайся. Кто-то поверх тендера бьет. Я прикрою, кидай уголь.

Состав разогнался до добрых пятнадцати миль в час. Со стороны вагонов раздалась пара выстрелов, но в кабину машиниста больше никто не палил. Берг снова осторожно высунулся и глянул назад. С задней площадки выпрыгнула в сторону человеческая фигурка. Прыгун подхватил слетевшую ковбойскую шляпу и поймал под уздцы лошадь.

К ночи поезд прибыл в Чарльстон. Не искушая судьбу, па-

ра моряков вошла в вагон только после парней шерифа. В обоих вагонах пахло кровью, щедро разлитой по полу. Берг и Вашингтон нашли свои вещи, до которых грабители не успели добраться. Александр попытался опустить веки хедхантеру, невольно прикрывшему его своим телом от пули, но они уже застыли. Мертвые глаза уставились в потолок в вечном удивлении: почему к Богу отправился конвоир, а не бандит. Малыша, естественно, след простыл.

Моряки переночевали в трактире «Одноглазый буйвол». Утром, когда до поезда к Нью-Йорку оставалось часа полтора, в зал ввалился человек в длинном плаще и низко надвинутой широкополой шляпе. Окинув завтракающих быстрым взглядом, он направился к столику Берга и Вашингтона, без спросу оседлав стул.

– Хорошо, когда в городе единственное приличное место. Значит, приличных людей можно найти именно в нем.

– И тебе доброе утро, Малыш. Не слишком рискуешь? Твоя рожица прямо у дверей налеплена. За две тысячи баксов я не прочь тебя сдать.

Услышав угрозу, Джон повернулся к мулату.

– Привет, уголек. И извини за... уголька. Это же ты вчера состав стронул? Не офицерское дело, простите, кэп. Макаки запрыгали, засуетились, я их добил. Двое наружу выскочили. Самый умный на тендер полез. Я ему вlepил прямо в зад, он так и свалился на рельсы – с дыркой в заднице. Так что спасибо, черный брат.

– Нет проблем, белая тля.

Берг заметил, что стрелок избавился от остатков кандалов.

– Скажи, парень, мог ведь запросто к ним переметнуться. Сам-то на виселицу ехал.

Ковбой сунул сигарку в угол щетинистого рта и чиркнул спичкой.

– Верите, кэп, так бы и сделал. Но вы мне душу разбередили. И охотнику ствол к башке приложили. Выходит, спасли меня, а потом я вас с угольком.

– О'кей. Дальше-то что делать намерен?

– Хрен его знает. Ищут везде. Уезжать надо далеко и долго. Вы там про какую-то Россию говорили?

– Мы как раз туда собрались.

– Здорово. А что такое Россия?

– Государство. Куда больше, чем Соединенные Штаты.

– Не верю! Простите, кэп. Страны всякие, что не в Америке, для меня вроде как сказка. Услышать могу, а поверить – если только сам увижу.

Берг глянул испытующе.

– Так в чем дело? Поехали. На службу морскую там иностранцев берут, уважают. Иной раз – пуще, чем своих.

– Снова здорово. Только здесь одно дело не решено, жаль оставить.

– Ну, тогда счастливо. Будешь в России – заходи.

– Не торопитесь, – Малыш воровато глянул в сторону. –

Дело верное, но в одиночку не поднять.

– Давно я банков не грабил, – ухмыльнулся Том.

– Никого грабить не надо, – уголовник хлопнул грязной лапой по столешнице. – Для того свои спецы есть. Все, что надо, награблено четыре года назад. Про золото Конфедерации слышали?

– Оно на каждом шагу, где ни копни, – механик отхлебнул бурду, имитирующую кофе. – Как это конфедераты продули, с таким-то богатством?

Бергу стал неинтересен дальнейший разговор. Байки проклады развалившегося союза муссируются года с шестьдесят четвертого или пятого.

– Там немного. Три сундука фунтов по сорок каждый. Миллях в семнадцати от Монтгомери, Алабама. Золото предназначалось для отправки во Францию через Новый Орлеан.

– Секретная карта на пергаменте, начертанная кровью. Тебе вручил ее хромой Одноглазый Билл перед смертью.

– Не-а. Брат рассказывал. Он был среди тех, кто конфедератов грабил, пока я служил на флоте.

– Где ж его остальные подельники? – ухмыльнулся Берг. – Небось, давно выкопали золото.

– Умерли все. Поссорились они. Брат хорошо стрелял. Семейное у нас. Ну и... короче, умерли эти остальные. Потом меня к свободной жизни приобщил. Место показал, но на строго запретил трогать, пока война. Это запас на потом. А мы перебивались по мелочи, чисто на жизнь. Кто ж знал, что

Майк закончит в холерном бараке.

– Похоже, сам ты в эту историю веришь. Что нам с Томом хочешь предложить?

Малыш указательным пальцем поддел шляпу, открыв лоб с грязными спутанными волосами, снова внимательно осмотрел собеседников, словно впервые увидел их.

– На троих. Потом поможете мне с золотом выбраться в вашу Россию.

– А если в Алабаме пустышка, беленький?

– Тогда, уголек, твой хозяин сдаст меня местному шерифу за две тысячи баксов.

– Я и сам могу тебя сдать.

– Здесь – да. На юге вонючего ниггера повесят рядом со мной. Поэтому говоришь хозяину «мастер», как тамошние черные, и чистишь сапоги двум белым джентльменам.

– Соглашайтесь, босс, – повернулся к Бергу механик. – Клянусь, что лично вышибу мозги этому расисту, чучело сплавим за две косых.

– Лучше мне вот что скажи, мистер Джон. Сорок фунтов золота – целое состояние. Бежав из Штатов, ты можешь хорошо устроиться с такими деньгами. Что ты конкретно намерен сделать?

– Куплю судно, – без раздумий заявил уголовник. – Не думайте, не пиратское. Море – это... Да кому я рассказываю.

– Понятно. Нормальная мечта. Сейчас я тебе про свою расскажу, кратко. Только ради нее я могу изменить планы и

ехать на юг.

Том изобразил на лице нечто вроде здорового скепсиса: я с вами, маста Алекс, но в вашу утопию не слишком верю. Берг, прекрасно знавший мнение мулата о его идеях, тем не менее продолжил.

– Я был свидетелем и другой битвы, когда затонул «Хаусатоник». Собственно, не сражение было, а один смертельный удар. Матросы на палубе заметили субмарину южан менее чем в ста ярдах от борта, экипаж был не в силах спасти корвет.

– Слышал. Гробовозка «Ханли» тоже утонула, – Джон раскурил следующую табачную скрутку. – В чем мечта?

– Сделать подводную лодку, которая сможет подходить незаметно и топить корабль безопасно для себя.

– Фантазии. Как вы себе это представляете?

– Развить идею Олститта. Слышали о его лодке? Он предложил отдельные двигатели – паровой для надводного хода и электрический для подводного.

– О лодке слышал, о ее боевых успехах – нет.

– Верно, ковбой. Она вступила в строй в 1863 году, когда ваш флот заперли блокадой. Ей просто не с кем было воевать. Да и недостатков у нее оказалось выше крыши. Главный – малая дальность подводного хода. Но опыт есть опыт. Я внимательно изучил все доступное. Вместо гальванических элементов для питания электромотора надеюсь установить свинцовые аккумуляторы Планте и Беккереля, заряжать их

от динамо конструкции Уальда. Паровая машина пригодна для надводного хода, наполнения электрических батарей и привода нагнетателя. В том же 1863 году француз Брюн построил субмарину «Плонже», работающую на сжатом воздухе. Часть механизмов действительно проще сделать пневматическими, но пока о тонкостях рано. Главное – лодка будет в состоянии преодолевать сотни миль на поверхности и десятки миль под водой. Общая идея ясна?

– Ну, не знаю. Собираетесь добровольно утонуть и снова пробовать всплыть?

– Не тонуть, а идти под водой. От ответа уходишь, – в серо-стальных глазах Берга играл озорной огонек. – Соглашусь на твою авантюру, если и ты мою поддержишь.

– Мое предложение верное, а ваше... Не знаю, – ковбой вернул шляпу на место. – О'кей, сэр! Считайте – я в деле.

Когда поезд уносил на юг трех авантюристов, Том тихо спросил старшего товарища.

– Сэр, на кой дьявол он вам нужен в России?

– На месте поймешь. Малыш Джон – военный моряк единственного в мире флота, добившегося успешной атаки субмарины на надводный корабль. В России есть выражение, оно в переводе на английский звучит примерно так: местный уроженец не может быть пророком. Любое начинание от иностранного подданного воспринимается с большим уважением. Как же, Америка и Европа есть цивилизация, Русь остается медвежьим углом.

– Да, сэръ. Трудно вам, русским.

– Парадокс в том, что я – прибалтийский немец. Но родился в России, поэтому карьеры пророка мне не видать, особенно со скандальным послужным списком. Так что Джон Рейнс станет моим рупором.

Спустя месяц по жидкой грязи, оставшейся после первых весенних дождей, тянулась крытая повозка, на передке которой сидели двое. Мулат в лохмотьях погонял пару тощих кляч, рядом на передке трясся монах в коричневом балахоне, накинув капюшон на голову. Представительный и хорошо одетый господин двигался впереди на неплохой каурой кобыле. До Монтгомери оставалось миль пять. Лучше преодолеть их до ночи. После войны в здешних местах неспокойно.

Берг никак не мог привыкнуть к коротким американским милям на суше. Видимые расстояния хотелось считать в кабельтовых, протяженность пути – в морских милях. Дома на Руси придется снова перенастраивать себя. Фунты легче, чем в Новом Свете. А еще пуды, золотники, сажени. Когда, наконец, человечество научится мерить длину, объем и вес единообразно?[1]

Группа из пяти всадников, неторопливо скачущих навстречу, насторожила. Александр проверил, удобно ли выходит «кольт» из кобуры. Понятно, что основная огневая мощь маленького отряда – Малыш Джон. Но пятеро на открытом месте и для него много.

Когда до встречных незнакомцев оставалось ярдов сорок, Том натянул вожжи. Берг принял влево, освобождая сектор обстрела.

Передний наездник, самый тучный из группы, носил форму лейтенанта северян. Двое были в серых конфедератских мундирах, а последняя пара напоминала прикид самого Малыша, когда его конвоировали в поезде. У всех винчестеры или винтовки Генри, четверо подняли их, лейтенант вскинул ладонь, призывая остановиться.

Военная форма вряд ли кого-то смогла ввести в заблуждение. Бандиты – они и в Африке бандиты. В Алабаме тоже.

– Что в повозке? – вместо «здрасьте» спросил главный, придерживая кобылу.

– Добрый вечер, сэр. Там гроб с телом моего брата, Витуса Берга. Матушка Христа ради просит перевезти его на родину.

Монах при упоминании о покойнике перекрестился. Потом правая рука спряталась под сутану. «Ставлю сотню, он там не четки перебирает», – подумал Берг.

– Койот, проверь. И монаха заодно.

Бандит в сером мундире подъехал к повозке со стороны служителя Господа и скинул капюшон с его головы. Худой мужчина, стриженный под горшок и с круглой выбритой макушкой, глянул на грабителя грустным взором.

– Не доверяя божьему человеку, выражаешь неверие во Всевышнего, сын мой. Покайся.

Всадник, на которого не слишком подействовало увещание, зло усмехнулся, закинул винтовку за спину и полез под тент. С этого мига время словно уплотнилось.

Берг, с напряжением ждавший начала выступления Малыша, сиганул вбок с лошади. Винчестерная пуля пробила седло. За долю секунды, пока стрелок дергал вниз скобу для перезарядки, моряк успел выстрелить в него из-под конского брюха.

Джонни царил в своей стихии. Он не пытался разыгрывать ковбойских сцен на тему: у кого раньше рука дрогнет на пути к кобуре. Выбрав момент, когда внимание разделилось на Берга и повозку, Малыш взвел курок под рясой и открыл огонь прямо через нее. Двое оставшихся рядом с лейтенантом получили по дырке в груди, не успев даже повернуть стволы в сторону «монаха». Третью пулю он всадил в лейтенанта, четвертой добил подранка, подстреленного Алексом. Том с четырех футов не промазал в спину бандиту, вцепившемуся в гроб.

Берг с огорчением обнаружил, что изгваздал в грязи сапоги и брюки.

– Малыш! Твоя идея с мертвяком не слишком удалась.

– Да, сэр Алекс, – согласился тот, обыскивая замершее в повозке тело. – Есть мысль получше.

Новая выдумка прошла проверку у станционных властей Монтгомери, которых тоже заинтересовало содержимое гроба. Начальник станции скептически осмотрел тучного по-

койника в офицерском мундире, глаз которого успела облюбовать зеленая муха.

– Я его где-то видел. Бьюсь об заклад – на плакате «разыскивается».

– Возможно, сэр, – вежливо кивнул Берг. – Брат не отличался законопослушанием. Но перед самой смертью он обратился к Богу с молитвой. Теперь у него есть шанс на спасение, да, отец Родерик?

– Помолимся за упокой его души, сын мой, – прогудело из-под коричневой хламиды.

Тяжеленный ящик с тушей бандита и ста двадцатью фунтами золота перекочевал из повозки в железнодорожный вагон.

– Клянусь печенью моей бабушки, сэр Алекс, – прошептал Том, едва переводя дух. – Почему не выбрали ублюдка поменьше?

– Тогда на фоне его худых ребер вес золота был бы еще заметнее.

В полупустом пароходе до Бреста Берг лично обрил голову Малышу начисто.

– Теперь волосы отрастут равномерно. Никто не заметит твою тонзуру, святой отец.

Ковбой придиричиво осмотрел облысевший череп через тусклое зеркало и горестно заключил:

– А пока я буду напоминать беглеца из тифозного барака. К началу июня французское судно доставило путеше-

ственников в Питер.

– Добро пожаловать, господа, в город моей юности, – торжественно провозгласил Александр, когда на горизонте показался лес мачт от Васильевского до Канонерского островов. – Надеюсь, родина примет меня если и не с распростертыми объятиями, то хоть бы не пинком под зад.

1

Американская миля равна 1760 ярдам, или 1609,3 м.

Морская миля равна 1852 м, кабельтов равен одной десятой морской мили, или 185,2 м.

Узел – единица измерения скорости судов на море, равен одной морской миле в час.

Ярд равен трем футам, или 0,9144 м, фут равен 12 дюймам, или 0,3048 м.

Сажень равна 7 футам, или 84 дюймам, или 2,1336 м, либо черт знает чему, ибо на Руси было свыше десятка разных саженьей. В данном тексте – морские сажени, равные 6 футам, или 2 ярдам.

Верста – 500 саженьей, около километра.

Американский фунт равен 0,45359237 кг, русский фунт меньше, он равен 0,40951241 кг.

Примечание автора: цените метрическую систему.

Глава вторая

Мама! Единственная в мире женщина, которая не предаст, не отвернется, будет ждать всегда. Даже уйдя за порог вечности, взирает на непутевого сына с небес, мучаясь от невозможности напутствовать, накормить или хотя бы ночью подоткнуть одеяло.

– Саша!..

Увядшая вдова, пережившая мужа в шестидесятом и проводившая в море обоих сыновей, плакала на широкой груди младшего сына, не веря своему счастью. Он смущался и терзался угрызениями совести, что писал редко, не вспоминал часто и лишь ныне сподобился приехать.

Пережив первый тайфун материнской радости, Берг представил спутников:

– Привечайте. Мои коллеги и боевые товарищи, мичман Джон Рейнс и старшина Томас Вашингтон.

Мария Генриховна радостно встретила обоих, сдержав удивление при виде редкого в Питере темнокожего или, как их здесь называли, арапа. Гости изрядно оробели. Несмотря на добытое в Алабаме богатство, частично привезенное с собой, частью осевшее в сейфах Нью-Йоркского банка, они смущались роскошеством особняка, смотревшего фасадом в темную воду Екатерининского канала неподалеку от Театрального моста. Алекс всегда рассказывал о себе неохотно. О родовитом прошлом семьи никогда не упоминал, лишь вскользь обронил, что отец был адмиралом и брат служит на флоте.

Прежние связи отца и стали отправной точкой в поиске единомышленников. Александр осторожно расспросил маму, кто из старых знакомых в фаворе у властей и на дистанции доступности.

– Как же, из отцовских Федор Петрович не забывать изволят, – мгновенно сориентировалась опытная родственница морских офицеров. – На Рождество и день ангела всепременно поздравляют. Ныне в науках начальник, с великим князем накоротке.

– Федор Петрович – это адмирал Литке? С которым отец на «Новой Земле» по северным морям ходил?

– Он самый. Высочайшим повелением в графское достоинство возведен. – Мария Генриховна отхлебнула чаю. – Что ж твои гости, Сашенька, скромничают?

– Простые парни, матушка. Извиняйте их, к питерским гостиным непривычные.

Мысль начать с прославленного географа оказалась правильной. Крайне занятый по службе полный адмирал, президент Академии наук, вице-президент Русского географического общества, обладатель других столь же обременительных постов Фридрих Бенжамин фон Литке откликнулся немедленно, как только получил письмо от сына старого друга. Он принял Берга и Рейнса в кабинете академии на Кадетской набережной, близ Стрелки Васильевского острова.

– Рад вас видеть, Александр Маврикиевич. [2] Возмужали, батюшку вашего напоминаете, с которым в Николаеве много

раз встречаться пришлось. Жаль, конечно, что ваша карьера не сложилась. Михайлов – как есть форменный мерзавец. Ваш благородный уход его не спас. Утонул, стервец, в Балтике в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом. Стало быть, конфуз исчерпан. Добро пожаловать домой, капитан Берг!

– Увы, ваше сиятельство. На флоте Соединенных Штатов дослужился лишь до старпома корвета.

– Жаль, решительно жаль. Мой сын Константин – уже капитан-лейтенант, хоть вас моложе. Чаю, далеко пойдет. И ваш старший брат не промах, каперанг он, коли память не подводит.

– Непременно желаю навестить, Федор Петрович. Разрешите представить коллегу и недавнего противника – офицера флота Конфедерации Джона Рейнса.

– Как же, наслышан, – адмирал пожал руку ковбою. – Мало вас было, но дрались крепко. Не в претензии, что Россия северянам способствовала?

Берг перевел вопрос.

– Какие могут быть счета после объединения двух Америк? Мы с Алексом сейчас – как братья.

– Замечательно! – отреагировал Литке, не дожидаясь перевода. – What is your business in our country?

Александр не ожидал такого. Понятно, что президент академии владеет французским, как все образованные люди, и родным немецким. Но английский язык в этой части света не распространен. Вдобавок затрещала по швам задумка пред-

ставить Джона соавтором затеи с лодкой, озвучивая по-русски изобретения, якобы выстраданные вдвоем. Американец не подвел.

– Мой бизнес – построить в России субмарину. Мистер Алекс расскажет подробнее.

Пока Берг излагал суть своих замыслов, демонстрируя наброски, чертежи и газетные вырезки из принесенной с собой папки, ковбой рассматривал двух германцев, дивясь их схожести, несмотря на разницу в возрасте и положении. Адмирал, невысокий стареющий мужчина с бритым подбородком, у которого бакенбарды срослись с подусниками и легли на эполеты седыми густыми волнами, напоминал заслуженного породистого пса, которому уже не гонять дичь по лугам, а хозяин предоставил любимцу теплое место. Алекс значительно крупнее, примерно пять футов и десять дюймов. Темно-русые усы и небольшие баки коротко подстрижены по американской моде. В глазах неудовлетворенность. За годы в Новом Свете он ни на шаг не продвинулся по стезе, которую его окружение считает единственно правильной.

Общее для знакомых ковбою немцев – их сверхъестественная правильность. За месяцы, проведенные вместе, начиная с Чарльстона, Алекс ни разу не напивался, крайне редко сквернословил, не обсуждал бабьи прелести, не поднимался на второй этаж к красоткам из провинциальных каба-ре. Он даже в карты не играл, посасывая неизменную трубку за кружкой пива, когда Джон спускал десятку-другую долла-

ров. Не человек, а железный истукан.

Увидев Литке, американец понял, к чему стремился к концу жизни его компаньон – стать таким же русско-германским адмиралом, правильным, заслуженным, убеленным сединами. Надо полагать, отец Алекса адмирал Мориц Берг успешно с сей задачей справился, старший брат на полпути. Дьявол, а разве сама жизнь с ее удовольствиями не есть ценность?

Александра мало что могло взволновать. Он настолько бесстрастно приставил ствол к уху конвоира, что охотник за головами сразу уверовал – у моряка ничто не дрогнет сделать там лишнюю дырку. Самое большое огорчение Алекс выразил, сверзившись с лошади у Монтомери, стреляя из-под ее брюха: он перепачкал костюм. Его лицо кривилось от брезгливости, когда в Нью-Йорке выковыривал золотые слитки из гроба с разложившимся трупом грабителя. При этом офицер и дворянин не переложил гнусную работу на мулата и безродного бродягу, падалью все трое провоняли наравне.

Несмотря на нарочитую правильность даже в мелочах, Берг лично подделал документы, произведя Джона задним числом в офицеры конфедеративного флота. Объяснил: в России сие непременно понадобится.

За время морских переходов до Бреста и до Питера русский немец приходил в хорошее настроение гораздо чаще. На борту судна он чувствовал себя в своей тарелке. Не поленился слазить в машинное. Часами сидел на баке, подставляя

лицо ветру и заполняя трепещущие листики карандашными рисунками. На них – море, корабли, чайки, снова корабли.

Пока Джон предавался наблюдениям и воспоминаниям, ни слова не понимая из русского диалога, Александр закончил излагать свое видение военной субмарины. Суть дальнейшего разговора Берг ему перевел, когда они покинули академию.

– Прожект ваш решительно хорош, – заявил адмирал. – Воплощаем ли – вот в чем вопрос. Подводные лодки наподобие *regretium mobile*. Множество пыталось, никто толком построить не смог.

– Вечный двигатель противоречит законам механики. Мореходную подводную лодку никто и не мог соорудить, пока пытливый ум не изобрел компактной машины, электромоторов, динамо и пригодных к зарядке батарей. Американцы могут ее создать на основе прожекта Олститта. Но Соединенные Штаты ни с кем ближайšie лет десять воевать не намерены. Для защиты берегов оставшийся флот даже избыточен. В России иначе. На Черном море турецкий флот. Османы строят броненосные корабли. Русским не положено по условиям мира с Англией и Францией. Субмарины можно в Питере собирать да по железной дороге возить. Две недели – и они в Севастополе.

– Вот что, Александр Маврикиевич. Сыну моего любезного друга в благом деле отказать не могу. Однако огорчить должен – не в моих правах сие. Выделение средств из каз-

ны да мощностей на наших верфях, военными заказами занятых, надлежит решать великому князю Константину Николаевичу. Но пред тем, как аудиенцию устраивать, вам потребно ситуацию в империи лучше узнать. Ведомо ли вам, что казна отпустила сто сорок тысяч рублей на духовую по тайную лодку фотографа Александровского?

– Духовую – значит от сжатого воздуха?

– Точно так.

Берг торопливо перелистал газетные вырезки.

– Тупиковый путь. Вот, французы пробовали. Семь миль – предельный запас хода. Дальше хоть парус поднимай.

Федор Петрович развел руками.

– Не вздумайте сию глупость произнести при генерал-адмирале. Он лично духовой прожект одобрил к финансированию, Государю доложил. Хотите в дураках его выставить?

– Негоже. Что посоветуете?

– Не торопиться, сударь. Осмотритесь. Ваш иностранный компаньон – зело правильный маневр. Не отпирайтесь, я сразу разгадал ваш кунштюк. Увы, проходимцу из Западной Европы или из-за океана верят куда охотнее, чем нам, германцам, верой и правдой поколениями служащим русскому престолу. Хоть в Пруссию беги и оттуда вещай, дабы Государь услышал.

– Господин адмирал, говорят, нынешний император более к прогрессу склонен? Отмена крепостничества, реформа флота, суд присяжных...

– Так-то оно так. Но Россия – беспримерно тяжелая глыба. Кабы сдвинуть ее, одного царского веления мало. Ступайте-ка вы к Никандру Ильичу. Он батюшку вашего помнит да и моей протекции не откажет.

Литке опустил перо в бронзовую чернильницу и каллиграфическим почерком написал пару рекомендательных фраз на отличной бумаге с вензелем академии. Спрятав письмо в папку, а ее в саквояж, Берг подумал: быть может, с этого листка начался практический путь к российскому подводному флоту. Или к повторному провалу на флоте самого Берга. Время покажет.

Теплый и сырой июньский ветер на Кадетской набережной чуть не унес широкополую ковбойскую шляпу Джона. Над его деловым костюмом она смотрелась непривычно и даже нелепо. Тем не менее, стетсон придавал американцу подчеркнуто иностранный вид, что от него и требовалось.

На противоположной стороне Невы в небо вонзался золоченый шпиль Адмиралтейства. Александр помнил времена кадетской юности, когда там действовала верфь. Ныне центр столицы окончательно превратился в капитанский мостик империи. Лишь река трудится, как и прежде. В отличие от полноводных американских водных артерий Нева и Невская губа – заповедник мелкого и плоскодонного флота. Восточнее Кроншлота глубины маленькие, редко где более двух-трех саженей. В середине дня по мелким речным волнам терпеливо пыhtят короткие закопченные буксиры, перетаски-

вая баржи, неторопливо скользят лодочки с малыми парусами. Снуют гребные баркасы. Мышечная сила людей в проливанном каналами городе обходится дешевле лошадиной.

– Джон, здесь близко. Ловить извозчика не стоит.

Они пересекли реку по плашкоутному мосту. Настил, опиравшийся на лодочные корпуса, мягко раскачивался. Александр тем временем убедил спутника срочно начинать учить русский язык.

– Мы направляемся к кавторангу Зеленому. Он – главный редактор «Морского сборника» и весьма осведомленный в русских морских делах человек. Всего не расскажет, надобно множество материалов пересмотреть, что в редакции накопилось. Он же доступ к документам имеет, которые не для посторонних глаз. Одному мне трудно. Без русского языка ты разве что шлюх сможешь снять да в кабаке напиться.

– О'кей, босс. А уголек?

– Ему тоже придется. Держать меня при Томе переводчиком – большая роскошь.

Никандр Ильич Зеленой, сухопутный моряк, давно не ходивший в морские походы, сделал для русского флота, гидрографии и картографии больше, чем иные капитаны, ступавшие на земную твердь лишь в портах. Он без церемоний принял сына адмирала Берга, по-английски поздоровался с Джоном и пообещал полное содействие.

Обрисованная им картина прохождения прожектов через

морское ведомство вгоняла в уныние. Первый бастион, который предстоит штурмовать, именуется Морским техническим комитетом. Без его заключения генерал-адмирал и рассматривать проект не вправе, разве что в порядке личного начинания. Тем более что карт-бланш выписан Александровскому. Комитет обычно склонен назначать множество комиссий, члены которых уверены, что безопаснее зарубить намерение, нежели пропустить наверх нечто несообразное. Далее великий князь ознакомится с заключением. Его Императорское Высочество способно тут же похоронить инициативу, и не только по причине ее технической провальности, а по несоответствию имперской флотской политике. Субмарины явно в сию политику не вписаны, кроме забавных опытов с духовой лодкой. Ныне в почете укрепление брони и большие пушки надводных чудищ. Наконец, и это самое трудное, убедить Государя Императора.

– Дорогой Никандр Ильич! За просвещение спасибо. Однако я уповаю найти более скорый путь. Располагаю средствами самому спустить на воду лодку и продемонстрировать ее великому князю в действии.

– Дельно, сударь. Но рискованно-с. А как не пожелают ее купить на казенные деньги?

– Сознаю, опасность велика. Но без нового рода кораблей Россия вечно останется в догоняющих. Или казну надорвет, броненосцы – изрядно дорогая штука. Я мыслю так. По-первости узнать, кто подводное и минное дело на Руси продви-

гает, электрические прожекты соображает, дабы второй раз не изобретать паровоз. После познакомиться с энтузиастами. Тот же Александровский – пусть и неуч, а уважения достоин, что за лодку взялся, не страшась авторитетов.

– Александр Маврикиевич, позвольте полюбопытствовать, есть ли у вас чертеж субмарины по американскому образцу?

– Увы. В действительном виде ни одна иностранная лодка потребностям нашего флота не отвечает. У меня лишь наброски.

– Что же вы Константину Николаевичу показывать решили?

– Намерен начать с малого потаенного корабля для охраны гаваней. При явном большинстве иностранного флота чтобы мог скрытно мины под врагом поставить. На нем испытать конструкцию приборов для плавания под водой. Лишь тогда думать о большом прожекте мореходного миноносца с самодвижущимися минами инженера Уайтхеда. – Берг расцепил сложенные на столешнице кулаки, показав пустые ладони, в которых не было чертежа волшебного оружия. – На субмарину в двести и более тонн водоизмещения у меня средств не имеется. Тут уж извиняйте – без поддержки великого князя никак.

– Ждете, он даст вам двести тысяч из своего кармана, как Путилову, и скажет: как хотите, но чтоб у России были потаенные суда?

– На чудо уповать не буду. Тогда война была. И заказывал великий князь канонерки, а не загадочные ныряющие коробки. Хочу, чтобы Россия хоть раз была к войне готова, а не затыкала мужеством подданных дырки, возникшие по неразумению.

Пока Джон и Том терпеливо постигали азы русского наречия, доводя до бешенства английского гувернера, ангажированного семейством Берг у соседского княжеского семейства, Александр терпеливо засел за изучение достижений отечественной науки и техники. Уже через неделю он ощутил, что начинать придется не на пустом месте.

Электрические опыты, нимало не занимавшие Александра в бытность до эмиграции, проводились здесь с воистину царским размахом. В частности, прусскому еврею Морицу Герману фон Якоби на эти цели выделялось пятьдесят тысяч целковых. На них он построил множество электрических приборов, включая катер, способный двигаться по Неве против течения. Американец Джон Рейнс с флотской биографией – ничуть не худшая приманка, нежели сын ростовщика «неправильной» нации.

Минное дело на море в России развивалось неслыханными темпами. Во время Крымской войны англичане пытались войти в Невскую губу, но их корабли подорвались на минах. Ни один не затонул, зато тайное оружие коварных русских отпугнуло британцев. На северном фланге высадка войск и наступление не состоялись. Александр решил для себя, что

конструкцией якорных мин на Родине занимаются достаточно прилежно. Ему важно лишь сделать самодвижущееся подводное судно, тайно доставляющее адскую машину к пути следования вражеских кораблей.

Попыток строить субмарины тоже состоялось предостаточно. Самым толковым ранним проектом оказалась лодка инженер-генерала Карла Андреевича Шильдера, опробованная в далеком 1834 году. Редкость – грамотный инженер среди толпы самоучек, он построил металлическое судно, вооруженное ракетами, стрелявшими из подводного положения, и шестовой миной. Для ориентации и наведения ракетных установок изобретатель установил медную оптическую трубу, выступавшую над водой. Сознвая огорчительно низкую скорость аппарата, приводимого в движение матросами вручную, он ратовал за установку паровых и электрических машин, однако умер слишком рано, не дождавшись новейших двигателей. Ему же принадлежит замысел плашкоута или корабля-матки для буксировки подводной лодки к месту баталии.

Дальнейшие поделки скорей компрометировали, нежели пропагандировали идею подводного дела. «Гипонавтический аппарат» баварского кавалериста Вильгельма Бауэра затонул в 1856 году в Балтике. Плавая под водой за счет мышечной силы экипажа, он не показал ходовых и боевых качеств, под которые у Морского министерства получены деньги.

Прискорбно, но русские энтузиасты начинали воплощать свои прожекты, зачастую бредовые, повторяя незадачи западных коллег. Например, духовая лодка Александровского начала строиться через год после того, как в 1863 году европейцы на примере субмарины «Плонже» конструкции Брюна и Буржуа убедились, что пневматический двигатель не пригоден для этих целей. Сдружившись с изобретателем-самоучкой филологом Барановским и проявив упорство, достойное лучшего применения, фотограф добился постройки своей лодки в 1866 году, показал адмиралам опытовое погружение, добившись хода под водой со скоростью чуть более узла и снова поставил судно на переделку.

Несмотря на общую наивность исходной посылки, любитель предложил несколько задумок, которые Бергу понравились. В частности, наличие в середине корпуса высокой надстройки, не заливаемой в надводном положении в свежую погоду. Американский «Монитор», который правильно назвать полуподводным, а не надводным судном, страдал именно от заливания люков при особой низкой палубе. Далее, Александровский развил удавшееся на «Плонже» нагнетание сжатого воздуха для выталкивания воды из балластных цистерн и разделил их на несколько групп, установил магнитный компас, в основном разрешив проблему с его девиацией. Наконец, он сделал подводный брандер – помесь малой пневматической субмарины и мины, назвав ее «торпедо». Берг заметил себе познакомиться с изобретателем как

можно скорее.

Перерыв гору предложений об устройстве разных подводных аппаратов, текст которых чаще всего свидетельствовал о скудной фантазии авторов, нежелании ознакомиться с достижениями иностранных подводников и неумеренном честолюбии, Александр наткнулся на работы генерал-майора Оттомара Борисовича Герна. Инженер-фортификатор построил целых три лодки, также оплаченных казной. Его суда были подводными галерами. Понимая, что время ручного привода уходит, он живо интересовался машинами, ездил во Францию на опыты с «Плонже», затем обнаружил заметки об использовании теплового двигателя под водой. Записав адрес генерала, Берг предположил, что, возможно, нашел хотя бы одного единомышленника.

Визиты к собратьям по подводному цеху Александр решил начать с фаворита гонки и направился в Кронштадт. Однако на пароходный завод, где шла реконструкция лодки, Берга и его маленькую команду даже пускать не захотели. Нелепое железное сооружение, поднятое на Мортонов элинг, они осмотрели лишь издали.

Создатель духового судна, изволивший выделить гостям не более пяти минут, оказался крайне неприятным человеком.

– Господа, буду с вами откровенен. Вы не являетесь российскими морскими офицерами, двое даже подданными империи. Лодка – секретное оружие. Так что благодарю по-

корно за проявленное внимание, но никаких сведений о ее устройстве разглашать не намерен.

– Ваше право, – согласился Берг, решив про себя, что в случае начала своего проекта по согласию с Морским техническим комитетом он непременно получит доступ к документам об опытах фотографа, раз судно строится за казенный счет. – Тогда будьте любезны ответить, почему не применили тепловой двигатель. Раз его нет в лодке, значит, сие не тайна.

– Вот оно что! Подозреваю, вас Степан Онисимович настроил? Сколько же мне крови он выпил! Сначала вроде как друг, перед великим князем поддержал. А потом вылезло, что лодка ему нужна лишь, дабы свои изобретенья продвинуть. Не выйдет-с! На первом боевом подводном корабле империи будет стоять только воздушная машина Барановского.

– Простите за любопытство, каким образом будет воевать корабль с запасом хода в семь миль?

– Довольно меня поддевать, милостивый государь! Объем баллонов и давление увеличатся. Его Императорское Величество лично одобрили мой проект.

– Алекс, я плохо понимаю по-русски, но, по-моему, этот говнюк нарывается, – встрял Джон по-английски, недружелюбно сверля Александровского глазами. – Он дворянин? Давай ему в рыло заеду, может, на дуэль меня вызовет.

– Ты сам не дворянин. Он просто вызовет городского. –

Берг снова обернулся к судостроителю: – Последний вопрос, и мы уходим. Я слышал, вы предложили торпеду не хуже мины Уайтхеда. Как судьба этого изобретения?

– Как и все в России – сложно. Когда моя лодка докажет боевую ценность, завистники не смогут ставить палки в колеса. Господин Берг, давайте закруглим разговор. Ежели вы не спускали на воду кораблей и не будете в будущем, это – досужая трата времени. Коли начнете, вы мой прямой соперник. Мне не с руки помогать вам даже советом. Разрешите проводить вас к выходу.

Напротив, генерал-майор Оттоман Борисович Герн, попросивший называть его Константином Борисовичем, оказался милейшим человеком. Интересуясь морскими делами, он был краем уха наслышан о контр-адмирале Берге и без церемоний принял рекомендацию Литке, сразу же пригласив осмотреть лодку на Александровском литейном заводе, что в пригороде Санкт-Петербурга на берегу Невы, неподалеку от Шлиссельбургского тракта.

Вояж в родильный дом российских подлодок, где треть века назад собиралось судно по проекту Шильдера, состоялся в погожий июньский день. Открытый экипаж катил вдоль реки. Томас и Джон, оба уроженцы южных штатов, наслаждались наступившим, наконец, теплом. В Алабаме и Луизиане в апреле жарче, чем на Балтике в июне.

– Зря вы, Александр Маврикиевич, на Ивана Федоровича сетуете. Человек из низов выбрался. Лодка его пусть плохо,

но на механическом двигателе пошла. Титулярного советника удостоен, стало быть – личное дворянство получил. Есть предмет для гордости.

– Ваше превосходительство, его же потом на части порвут, когда с очевидностью ясно станет о негодности его творчества кроме как для ужения рыбы. Жаль простака.[3]

– Экий вы добросердешный. Так запомните, что наш фотографический любитель не так прост. Кроме титула, дающего ему пять тысяч в год, он истребовал себе орден, восполнение убытков фотоателье, с которого он изъял якобы сто сорок тысяч на постройку корабля, премии в пятьдесят тысяч за гениальность конструкции...

– На такие деньги можно флотилию лодок построить! – воскликнул Берг, перебив генерала. Тот, не возмущившись, продолжил:

– И еще шестьдесят тысяч на продолжение опытов. Бурачека ругал? Степан Онисимыча. Как же-с. Любителю зело прискорбно слушать, когда морской инженер, спроектировавший десятки корпусов, тычет его носом в мелкие технические грехи, как котенка в сцаки. Беда в том, что Александровского Его Императорское Величество похвалить изволили. Оттого он возгордился, но транец от кранца не научился различать. Вдобавок фотограф тишком ставит на лодку критикованный им вдрызг водотрубный котел на жидком топливе, сиречь паровую машину Бурачека-Шпаковского.

– То есть в надводном положении лодка Александровско-

го будет двигаться как пароход?

– Вы недооценили упорство фотолобителя, любезный Александр Карлович. Из котла пар пойдет в цилиндры машины, она будет крутить нагнетатель, он качать воздух в баллоны, оттуда в цилиндры главного двигателя и лишь с его вала на винт.

Берг перевел. Американцы сначала не поверили, потом заржали. Том наивно спросил:

– Сэр Алекс, почему не подать пар с котла непосредственно в цилиндры рабочего двигателя? Нагнетатель, баллоны – столько потерь!

– Тогда пришлось бы признать правоту Бурачека. Неприемлемо-с! – присоединился к общему веселью Герн после перевода вопроса чернокожего механика.

Лодка генерала превосходила неуклюжее творчество фотографа с филологом как фрегат галеру. Опыт постройки трех субмарин и инженерная грамотность разработчика просматривались в каждом узле.

Корпус веретеной формы подкупал законченностью линий. Где глазу не зацепиться, там и вода не задержится. Круглая надстройка на миделе была единственной, в отличие от проекта Александровского с двумя башнями. И, конечно, «четверка» Герна была гораздо мельче. В длину примерно вдвое.

Похлопывая по стальному боку с рядами заклепок, генерал с удовольствием рассказывал:

– Надводное водоизмещение получается около двадцати пяти тонн, на порядок меньше, чем у художника. Тем самым рассчитываю устранить главный недостаток его воздуходувного проекта – малую скорость при той же силе машины. Ежели смогу обеспечить хотя бы два-три узла, гидропланы обязаны сносно держать глубину.

– Хотелось бы, – подтвердил Берг, запрокинув голову. – Я читал, что с застопоренным двигателем добиться равновесия на глубине не удалось.

– Так и есть. С глубиной растет давление. Корпус не бывает жестким, как камень, он сжимается, уменьшая объем вытесняемой воды, стало быть, лодка проваливается. Посему под водой надобно иметь нулевую плавучесть и менять дифферент гидропланами на ходу. Для погружения корма поднимается, и судно уходит вниз с дифферентом на нос. Корпус двойной, как в испанских подлодках. Главная систерна и баллоны со сжатым воздухом вмещены в пространстве меж внутренним корпусом с бронированными стенками и тонким наружным.

– Нечего возразить, Константин Борисович, – Александр тронул рукой винт. – Расскажите о силовой установке.

– Это моя гордость. Первая русская паровая машина на подводной лодке. Мощность шесть индикаторных сил, котел с топкой для твердого и жидкого топлива с давлением чetyреста сорок фунтов на дюйм, холодильник. В надводном положении пользуем скипидар или другое жидкое топливо.

Под водой – особые медленно горящие брикеты, выделяющие кислород. Либо тот же скипидар, к нему сжатый воздух из баллона.

Берг пересказал по-английски. Джон пожал плечами – слишком хитрая конструкция. Томас поинтересовался, не отравится ли экипаж газами.

Герн залез на корпус. Верхняя часть обшивки оставалась незакрытой. Он показал на крепление духового клапана.

– Сгоревшие газы наружу выводятся.

Александр тоже залез на корпус и осторожно спустился в люк. Обратил внимание, что лодка внутри разделена двумя переборками на три отсека.

– Впечатляет, Константин Борисович, – раздался изнутри его голос. – Как есть впечатляет. Особенно продуманность приборов и механизмов.

Он вылез из лодки и спустился по трапику.

– По вашему тону, коллега, слышу возражения, рожденные в глубине души, но не высказанные. Позвольте полюбопытствовать, чем не угодил.

Берг внимательно посмотрел на генерала. Очень тонкий момент. Нельзя задеть хорошего человека критикой его детища, обидеть лицемерием тоже нехорошо. Как найти тонкую грань?

– Смею ли я? Вы четвертую машину строите, а я лишь любитель и в начале пути.

– Полноте. Вы – моряк и в бою побывали. Не тяните.

– Так и быть. Не взыщите. Начну с размеров. Шестисильная машина для тихоходного судна в двадцать пять тонн достаточна. Но под водой водоизмещение вырастет, как и сопротивление, – рубка начнет тормозить. Для большей машины нужен корпус просторнее, как у Александровского и даже поболее.

– Разумно говорите, Александр Маврикиевич. Только перед вами – первенец подводного парового плавания. Коли заработает все по чину, примусь за крупную лодку.

– Второе. На беду пришлось нам с Томасом побывать в машинном, когда его вода заливает. Это – ад. В железном чреве «Монитора», на две трети в воде сидящего, и безо всякой поломки не многим лучше. Честно скажу, не верю в успех парового мотора под водой. Разве что дымовую и вентиляционную трубы над волнами выставить.

– Наладим со временем. Оттого первая паровая лодка маленькая. Дешевле грехи исправлять.

– Далее, – продолжил неутомонный Берг, замечая ухудшение настроения генерала. – Тепловой или газовый мотор под водой неизбежно пузыри дает, что у фотографа, что у вас. Даже если топку закрыть и на остаточной силе пара идти, непременно избыток давления за борт уйдет. Скрытность, главное благо потаенного судна, тем утрачивается. Посему не вижу под водой ничего, кроме гальванического мотора, питаемого батареей, которая получит заряд от паровой машины при всплытии.

– Сложно это, – возразил Герн. – Единый двигатель проще.

– Вероятно, вы правы, – не стал упорствовать гость. – Если вам удастся паровой мотор для обоих способов плавания приспособить, заранее шляпу снимаю. Иначе придется ставить в корму малый электромотор, а часть баллонов менять на свинцовую батарею.

По возвращении в Питер Берг объявил компаньонам:

– Положение в стране мы узнали. На казенные средства строятся две субмарины, ни одна к войне не пригодна. Морское министерство, Морской технический комитет и генерал-адмирал непрерывно получают кучу безграмотных проектов. Третий участник гонки здесь никому не нужен. Продолжаем упорствовать?

– Что спрашиваете, сэра Алекс? Вы не умеете останавливаться на полпути. И я приехал в вашу холодную страну не только горничных топтать.

– Уголек прав, – поддержал ковбой. – Похоже – вы единственный, кто понимает, что будущее за электричеством и паром. Половина моей доли в золоте в вашем распоряжении.

– Тогда – за дело. Сочиняем предварительное техническое задание. Потом пробую привлечь адмирала Бурачека. Вам же русский учить и яму копать.

– Яму? – в один голос спросили американцы.

– Длиной двадцать ярдов для опытового бассейна. Будем

в нем модели лодок пробовать. Что смотрите, друзья заморские? Завтра отправляйтесь с Богом в наше имение в Тверскую губернию. Там надобно соорудить паровую машину с лебедкой, чтобы модельки тягала. Народ ремесленный на месте имеется, да и вы не рукосуи. Так на Руси зовут умельцев, у которых руки из пятой точки растут. С утра справите по дорожную – и в путь.

2

Иностранные имена и образованные от них отчества в ту пору превращались в привычные русскому уху. Так, Александр, сын Морица Берга, величался Александром Маврикиевичем.

3

Александровский умер в нищете, когда Морское министерство, истратившее на изобретателя более полумиллиона рублей, перестало финансировать его безграмотные прожекты.

Глава третья

Мечта о новом техническом изобретении хороша тем, что ее можно выразить в цифрах, дабы она стала понятна окружающим. Перед отправкой в сельскую ссылку Берг собрал единомышленников, чтобы свести воедино собранные данные и определить, какая именно субмарина будет построена.

Остановились на скромных размерах, чуть больше, чем у Терновой «четверки», – пятьдесят четыре фута длины. Водоизмещение в надводном положении должно получиться в пределах семидесяти тонн, для нулевой плавучести придется принимать не менее четырнадцати тонн воды. Силовая установка потребна порядка шестидесяти индикаторных сил, при этом паровая машина, электромотор, котел, муфты, жидкое топливо и аккумуляторы съедят большую часть внутреннего объема.[4] Наименьший экипаж – пять человек. Двое механиков-мотористов справятся с двигателями, кочегары не нужны. Боцман и матрос должны помочь капитану удержать правильный дифферент. Стало быть, кроме погружения и всплытия, получают две вахты по два человека.

Прикинув массу и емкость аккумуляторных батарей, Александр пришел к неутешительному выводу, что вряд ли под водой лодка пройдет больше десяти миль без подзарядки. Под парами, вероятно, и две сотни миль, здесь просто считать – каждая индикаторная сила двигателя требует двух фунтов жидкого топлива в час, тонн пять-семь водоизмещения придутся на нефть или мазут.

Том сразу обратил внимание, что нужна вторая пара горизонтальных рулей, которые Герн именовал гидропланами.

– Поверьте, сэръ Алекс, лодка не должна уходить в глубину, задрав хвост как кошка перед случкой. Винт непременно зависнет в воздухе.

Джон, внимательно выслушавший объяснения Берга по

поводу находок предшественников, заметил, что на «четверке» Герна нет оптической трубы Шильдера.

– В крепостях Конфедерации такую трубу называли «перископ». Чтобы смотреть через стену, не подставляя лоб. «Оптическая труба Шильдера» слишком длинно, о'кей? И сдается мне, на волне лодку зальет через верхний люк, что ваш «Монитор».

Сошлись на том, что рубка для управления лодкой в свежую погоду будет вмещать капитана в полный рост, то есть быть высотой в два ярда и двух футов в ширину. Над ней еще на сажень должны торчать три трубы – оптическая, дымовая и приточная.

– Сколько ж времени их убирать придется перед погружением, – почесал затылок Том. – На литейном заводе что-то говорили о выхлопе в воду.

– С быстротой погружения нас пока никто не торопит. Если лодка подойдет под водой к вражеской эскадре, стоящей на якорях, чтобы завести мины и так же тихо ретироваться на безопасное расстояние, мы имеем, господа, действительный боевой корабль.

Испещрив пометками десятков листов бумаги, Берг отправил помощников в сельскую ссылку, надеясь, что сплошь среди русских оба непременно выучат язык. Сам привел в порядок наброски и написал письмо адмиралу Бурачеку.

Как мог Александровский не поладить с милейшим Степаном Онисимовичем – решительно непонятно. Моряк

охотно пригласил «сына прославленного адмирала Морица Борисовича Берга» в Морской технический комитет, располагавшийся там же, где и редакция «Морского сборника», в крыле главного здания Адмиралтейства.

– Скромно-с, так точно. Только звучит громко – Морской технический комитет. А постоянно в нем трудятся два офицера и делопроизводители. Мы собираемся по нужде, чтобы очередной революционный прожект умертвить. Намедни один надворный советник, не буду приводить фамилию, тоже субмариной нас осчастливил. Знайте же, любезный Александр Маврикиевич, ваша паровая машина на лодке – че-пуха, да и только. Нежданный афронт, не правда ли? Господин надворный советник так прямо и пишет: ставить перпетуум мобиле его собственной конструкции, никак иначе-с. Работает потаенно, угля не просит, пятьдесят верст в час покрывает.

– Тьфу ты, Господи. Простите, Степан Онисимыч. Я думал – там и впрямь серьезная штука.

– Куда уж серьезнее. Изобретатель скромно запросил полмиллиона целковых на постройку и двести тысяч премии за уступку тайны флоту России. Изрядно в карты проигрался, видать.

– Неужто совсем нет толковых любителей?

– Практически. Александровский разве что. Умен, начитан. Энергический и настойчивый человек. Но систематического образования не имеет, не то что Морского кадетско-

го корпуса, но и училища корабельной архитектуры порог не переступал. Зато как царь-батюшка его отметить изволили, апломб взлетел выше адмиралтейского шпиля. Я ему по доброму помочь пытался, мои чертежи, на досуге сочиненные, показывал. Он настроил клязу, что адмирал Бурачек пытается пристроить свой прожект.

– А вы?

– Бросил. Далее пусть сам барахтается, как может. Наш фотограф – что отрок неразумный. Я три десятка больших кораблей построил, ни за один хулы не слышал. Надо же, в шестьдесят семь лет получаю навет, что примазываюсь к славе самодельщика. Дай Бог, чтоб никто не погиб на его надувной железке. Адмирал Попов взял умельца под крыло. Жаль, если и Андрей Александрович пострадает, когда негодность лодки станет известна каждой болонке.

Берг достал наброски.

– По моему разумению, главная напасть наших сухопутных подводников в том, что они упираются в трудности подводного хода. Я, как моряк, понимаю, что перво-наперво судно должно иметь мореходность и справляться с двухсаженными волнами, они и в Невской губе не редкость. А уж потом думать, как его утопить и наверх поднять.

– Это моему сердцу любо. Ну-ка, покажите старому волку, что накропали...

Они просидели над бумажками до темноты. Старый адмирал будто помолодел. Главное, он разговаривал с Бергом

на одном языке. Александру не нужно объяснять азы, например, что доступ к носовому рыму должен быть и в свежую погоду без опаски для матроса быть смытым за борт. Фотограф, год назад услышав сие, припадок закатил, де архитектура носовой части страдает. Александр нутром чувствовал, как длинный корпус под водой будет привередлив по дифференту и с трудом слушаться управления из-за изрядной своей массы.

– Главное, молодой человек, характеристические свойства корабля после спуска на воду всегда отличаются от расчетных в худшую сторону. – Бурачек, родившийся на тридцать лет раньше, счел себя вправе именовать вполне зрелого мужчину «молодым». – Длину придется нарастить, водоизмещение также. Справится ли машина? Наверное. В двадцать мне казалось, что знаю решительно все. А чего не ведаю, можно в книгах прочесть. С каждым прожитым годом убеждаюсь, что водная стихия непредсказуема, а ее сюрпризы чаще напасти таят, нежели выгоду. Договоримся так. С меня – чертежи корпуса. Вас прошу на самые трудные вопросы ответить – где взять гальванический мотор-генератор сказочной мощности и батареи к нему. Их массу и размеры вижу лишь умозрительно.

– С академиком Якоби я договорился о встрече. И Вернера Сименса неплохо привлечь. Работы непочатый край.

– Ежели не спасуете, я о проекте великому князю доложу. На деньги надежды нет – казна и так содержит Александров-

ского и Герна. Разве что получите грамоту с обязательем Морского министерства выкупить вашу лодку при успешных над ней опытах.

– На большее надеяться не смею.

Электрический гений, для простоты именовавший себя на русский лад Борисом Семеновичем, оказался настроен куда как скептичнее. Он вещал среди творческого бедлама в лаборатории Физического кабинета Санкт-Петербургской академии наук.

– Время опередить невозможно. Думаете, я сам бы не хотел поставить на свою первую электролодку шестидесятисильный мотор?[5] Только непосвященному кажется, что гальванические двигатели в три и шестьдесят сил отличаются лишь размерами. Посчитайте, сколько тепла выделит такой великан. Не пробовали? От десяти до пятнадцати процентов от мощности на валу. Далее, какой толщины потребны проводники, дабы передать ток в тысячи ампер. Вы задумывались? Либо придется повышать напряжение до сотен вольт, тогда во влажной железной коробке вас просто убьет разрядом. Свинцовые аккумуляторы – да, есть, самолично с ними опыты ставил. Но до выделки их на заводах огромная дистанция. Наконец, динамо. Выработка тока электромотором тоже не вышла из стадии опытов. Поэтому, милостивый государь, задуманное вами возможно, но не в этом году и не следующем.

– Что же вы посоветуете? Ждать, пока американцы сей

корабль построят и по всему свету патенты продадут?

– Не горячитесь. Москва не сразу строилась, корабли и по-давно. Дайте срок подумать. Проект ваш хорош, нет слов. Сгубить его – грех. Помяните мое слово, вам его по этапам воплощать придется. Сначала с паровой машиной и электромотором сил на десять. Не спорьте! В ближайший год больше десятки не обещаю. Потом гальванические элементы на аккумуляторы менять, со временем. Пока спустите на воду и другие механизмы налаживайте.

Берг в смятенных чувствах направился к двери, попрощавшись, когда Якоби окликнул его.

– Александр Маврикиевич, не отчаивайтесь. До сего дня сдавалось мне, что после потомственного дворянства, свидетельств и наград научных осталось лишь почивать на лаврах. Ежели помогу субмарину построить, жизнь точно не зря прожита.

Садясь на извозчика, Александр подумал, как замысел подлодки умы переворачивает. Том и Джон пошли за ней через океан, у Бурачека отвислые бакенбарды задорно поднялись в гору. И даже чисто выбритое лицо умного и осторожного еврея Якоби, покрытое сетью морщинок, вдруг разгладилось и посвежело. Есть в сумасбродном начинании покорения глубин нечто таинственное и притягательное, заставляющее быстрее стучать суровые мужские сердца.

К осени чертежи оформились в нечто похожее на практическую документацию. Тем временем в имении Бергов ца-

рило сущее непотребство. Если ковбой, заманивая дворовых девок на сеновал, мог одарить их детишками смешанных русских и англосаксонских кровей, то две полногрудые красотки, не устоявшие перед африканским темпераментом Тома, с ужасом ожидали наследников нежного темного цвета.

В свободное от амуров время заморские донжуаны занимались делом, кое дворовые пролетарии именовали «баре чудить изволят». Задний двор меж конюшнями, псарней и другими хозяйственными постройками обезобразил длинный ров. Наполненный водой, он привлекал нездоровое внимание живности с крестьянских хозяйств. Сюда стремились утки с утятами, собаки лакали воду, а однажды утоп кабанчик, вздумавший покататься в траншее, словно в луже, – первая жертва русского подводного флота.

Том умудрился склепать слабосильную паровую машину, имея в распоряжении только незатейливую кузню с самодельным токарным станком, листы кровельного железа и загадочное русское орудие под названием «едрена мать». Он обошелся даже без манометра, а равенство давлений при прогонах моделей обеспечил простейшим клапаном, стравливающим пар свыше некоего наугад выбранного предела.

К концу лета по опытовому бассейну плавали потешные фигурки судов. Берг, привезя с собой очередные рулоны с набросками Бурачека, цеплял к буксировочному тросу гладко струганные бревнышки, изображавшие корпус будущей субмарины в масштабе один к двадцати, и лично проверял

наиболее удачные проходы.

– Я вам скажу, сэр Алекс, нет большого ущерба от плоского корабельного носа, – подвел итог Томас, мешая русские слова с английским. – Круглая голова лучше острой воду расталкивает, однако же неудобен такой корпус для хода над водой. Острый, как веретено, нос лодки Герна выгоды не дает.

Берг взял в руки грубоватый макет. Носовая часть с острым, строго отвесным форштевнем, круглый мидель со вздутиями балластных систерн, узкая вытянутая рубка, выступающий киль с балластом, крестообразные рули на конусовидной кормовой оконечности.

– Как можно длиннее, как можно уже, – закончил Джон. – Это и без опытов известно.

В октябре спустилась в Неву субмарина Герна. Медленно, но уверенно пошла по речным волнам, дымя саженной съемной трубой. Доводка ей предстояла на Галерном острове, поэтому счастливое для подводников место тут же оказалось перехваченным для следующей лодки. Бурачек предложил окрестить ее «Акулой», но Берг счел, что до морского хищника долог путь. «Щука», не более.

Спустя три месяца после закладки киля, аккурат в разгар зимы, на завод изволили прибыть генерал-адмирал Российского флота, председатель Государственного Совета Его Императорское Высочество великий князь Константин Николаевич. В свите второго лица государства шествовали адмира-

лы Литке, Бурачек, Попов и с десятков других военных и партикулярных лиц, не считая гвардейского сопровождения.

Ожидание высокого гостя сорвало работы самое меньшее на неделю. Даже голый каркас из шпангоутов без единого листа обшивки выглядел так, что его хотелось погладить, не рискуя уколоться о заусеницу, а рабочие в выстиранных робах смахивали на показушно-аккуратных гномов из детской книжки.

Разглядывая эмбрион судна, великий князь заметил:

– Покровительствую я смелым начинаниям и сам порой удивляюсь. Как эдакий малыш повредит броненосцу? Андрей Александрович, – обратился он к Попову. – Ваш новый броненосец на десять тысяч тонн рядом с сей букашкой что медведь против кошки. Как вы думаете?

– Полагаю – нужны разные корабли, ваше высокопревосходительство, – осторожно ответил тот. – Ныне Россия сразу три потаенные лодки строит, больше, чем в Европе и Америке. Первенствуем.

– Похвально. Однако же господин Александровский не смог довести свой кораблик до обещанных Государю кондиций, и у Герна тьма неполадок. Уверены, господин изобретатель, что ваше детище удачливей родится?

– Надеюсь, Ваше Императорское Высочество.

– Казна – не бездонная. Флот купит только один и наиболее надежный проект.

– Это нас не останавливает.

– Отчего же такая уверенность? – сверкнул очками великий князь.

– Потому что в «Щуке» собрано лучшее, что может дать морской опыт и наука. Паровой машиной ведаёт опытный механик флота Соединенных Штатов Томас Вашингтон, вооружением офицер бывшего флота Конфедерации Джон Рейнс, – американцы поклонились. – Расчет силового остова и прочности корпуса произвел уважаемый Степан Онисимович, электрическая часть проектируется академиком Якоби. Моя заслуга лишь в том, что нашел средства да привлек лучшие умы Америки и России.

– Звучит весомо, – князь прогулялся к корме, разглядывая заготовки под рули и дейдвуд. – Каково военное применение «Щуки»?

– Откровенно скажу, невелико. Не буду вводить Ваше Императорское Высочество в заблуждение. Корабль мал и строится скорей как опытовый, оттого из казны не запрошено ни гроша. Однако, имея запас подводного хода в десять миль и не менее сотни надводного, «Щука» в паре с плашкоутом будет способна скрытно войти в Босфор и уложить двадцать мин со стофунтовыми зарядами, перекрыв главный фарватер Константинополя. Либо минировать устье Дуная.

Интеллигентное лицо великого князя выразило легкое удивление.

– Вы – необычный человек, господин Берг. Отбою нет от настырных любителей, жаждущих вручить свои прожек-

ты мне или даже напрямую Государю, испросив денег. Ваша скромность похвальна. Прошу уведомить о ходовых испытаниях «Щуки».

Константин Николаевич задал несколько вопросов о конструкции, моторах и размерениях корабля, легко перейдя на английский язык в разговорах с американцами. Попов тем временем успел поделиться:

– Вы в курсе, Александр Маврикиевич, что Александровский написал на вас ябеду в Морское министерство о краже его открытий?

– На здоровье. И не крал, и патентов у него нет. На Герна кляузничал?

– Всенепременно и неоднократно.

– Простите, Андрей Александрович, не буду отвечать на его выпад, хотя как дворянин дворянина могу призвать к ответу. Пусть нас война рассудит. Чья лодка первой утопит вражий корабль – тот и прав.

– Кстати, наслышан – вы против южан воевали. Где именно?

– На восточном побережье. Корвет «Хаусатоник», броненосец «Монитор».

– Крайне любопытно. А я с эскадрой на западе стоял, прикрывал федералов от атаки с юга. Не сочтите за труд, навестите на досуге. Ваш опыт на броненосце для нас очень даже полезным может стать.

Не любивший официозные мероприятия Берг сделал для

себя немаловажный вывод: генерал-адмирал и его окружение не являются преданными поклонниками Александровского.

Дальнейшее возведение в общем-то небольшого кораблика продвигалось медленно и очень по-русски, с остановками, переделками, просрочкой изготовления узлов у смежников. Якоби сделал все, что мог. Заказанные во Франции два электромотора обещались в июне. От них ожидалась мощность не менее пятнадцати индикаторных сил у каждого.

Обуховский завод легко выполнил заказ на паровую машину, котел, холодильник, систерны для воды и баллоны высокого давления. Некрупный с виду корпус вместил в себя невероятное количество деталей: тысячи футов трубопроводов, вентили, клапана, люки, задрайки, иллюминаторы, швартовые рымы, сотню футов дюймового гальванического провода в каучуковой изоляции, манометры, два компаса, перископ, дымовую и дыхательную трубы, тросы, гребной вал и гребной винт, муфты, сальники, помпы, лебедки, шкивы, редукторы, химические патроны для очистки воздуха, нагнетатель высокого давления, детандеры, электромоторы, гальванические батареи, рубильники, грузы постоянного и аварийного балласта, якорь, якорная цепь и еще сотни наименований, один перечень которых занял шесть страниц.

К июлю 1868 года Берг прилично исчерпал свой золотой запас и понемногу начал брать у компаньонов. Очевидно, что на достройку и доводку «Щуки» хватит средств, а сле-

дующую без помощи казны и начинать не стоит.

Спуск на воду состоялся в конце августа. Вопреки флотским традициям Берг приложил усилия, чтобы сие событие не привлекало большого внимания. Для обычного корабля сам факт, что он стал на ровный киль, означает – так или иначе судно ходить по поверхности будет. «Щука» оправдывает свое название и существование, если только сумеет всплыть. Погружаться все умеют... хотя бы один раз.

Приглашенный священник, изумившись отсутствию причитающейся помпы, торопливо справил обряд, получил на ремонт храма и отправился восвояси. После заката неполный экипаж зажег ходовые огни. Том развел пары в недавно опробованной машине. На средних оборотах «Щука» отправилась в первый короткий переход к Галерному острову, где ей предстояли первые практические опыты.

– Кэп, скажи, что счастлив.

Джон стоял на месте кондуктора, управляющего передними рулями глубины в подводном положении и заполнением систерн главного балласта. Во время хода на поверхности он просто бездельничал. Через открытый люк в машинное отделение в полумраке виднелся Том, что-то без конца проверяющий в механизмах лодки.

Александр легким движением штурвала скорректировал курс.

– Не знаю, что сказать. Да – счастлив, у нас есть «Щука». Но понятия не имею, как она поведет себя под водой, и от-

того волнуясь, – он погладил ее по обшивке рубки. – Если ошиблись, плакало наше золото. Не знаю, хватит ли мне мужества продолжить.

Меж тем соперники не стояли на месте. Александровский снова спустил на воду свое духовое сооружение, чуть не утонул на нем, однако позднее провел серию сравнительно удачных спусков и даже прокатил под водой адмирала Попова. Морское министерство закрепило за лодкой постоянный экипаж из двадцати двух человек, поставив их на казенное жалованье.

По слухам, главной бедой субмарины, робко пересекающей мелководную Невскую губу и не удалявшуюся западнее Котлина более чем на десять миль, оставалась скверная вертикальная управляемость. На малой скорости она слабо слушалась задних горизонтальных рулей. Удар о дно залива сопровождал чуть ли не каждое погружение.

Герн так и не справился с герметизацией котла. Его лодка ходила под водой устойчиво, обладая куда меньшей массой, но приводилась в действие оставшимся в котле перегретым паром либо сжатым воздухом из баллона. В надводном положении она имела преимущество перед судном фотографа за счет паровой машины, а под водой преодолевала лишь несколько кабельтовых.

В начале октября команда Берга перегнала «Щуку» в Кронштадт. Мелкие течи в обшивке, заедание штуртросов, проницаемость кингстонов и захлопок были исправле-

ны. Однако погружаться они пока не рискнули.

При проверке систем главного балласта вода закрывала палубу, рубка и трубы до поры оставались над поверхностью.

Даже в новейшем судостроительном предприятии не нашлось мазута, парходные топки кормились углем. Пока ожидалась мазутная емкость и бочка поменьше для скипидара, три энтузиаста таскали топливо ведрами.

2 октября 1868 года у причальной стенки парходного завода собралась небольшая комиссия. «Щука» оставалась собственностью Берга и его предприятия, экипаж не состоял на службе империи. Тем не менее, заявленная военная направленность корабля и позволение использовать военную акваторию ставили проект под начало адмиралтейства.

Слава Богу, великий князь не изволил явиться. Зато присутствовал морской министр адмирал Николай Карлович Краббе. Его и Попова тут же прихватил под локотки Александровский, лодка которого швартовалась в какой-то сотне футов. Рядом со «Щукой» она размерами напоминала кита. Якоби, зябко кутая в воротник бритое лицо, о чем-то спорил с Бурачком. Капитан второго ранга Зеленой запросился в пробное погружение и выслушивал объяснения Рейнса, сбивавшегося с русского на английский язык, вполне понятный редактору «Вестника». Герн от души пожелал удачи.

Капитан «Щуки» отрапортовал министру о готовности корабля и экипажа для опытового выхода в море.

– Не бойтесь? Свежая нынче погода, норд-вест волну го-

нит.

– Для противника такая волна – не помеха. И мы осилим.

– Кстати, Александр Маврикиевич, какое у вас было звание в Российском флоте?

– Мичман, ваше высокопревосходительство.

– Пора о возвращении на службу задуматься.

С этим напутствием Берг спрыгнул на палубу. Они с Джоном отдали швартовы и по одному скрылись в рубочном люке. Лодка отошла на кабельтов от стенки, направляясь к Петровскому фарватеру. Адмиралы вооружились биноклями. Западнее Кроншлота начинается глубина футов двадцать – двадцать пять, растущая к весту. В мелководной Невской губе редко где глубже пятнадцати футов.

– Приготовиться к погружению!

Почему голос предательски дрогнул?

Том застопорил машину, заглушил подачу скипидара в топку. Открыл вентиль выпуска пара за борт. Закрыв захлопки вытяжной и вентиляционной трубы, проверил задрайку кормового аварийного люка. «Щука» медленно ползла по инерции.

– Машинное к погружению готово, кэп.

И у него что-то с голосом. Видать, оба простыли по сырости.

Берг проверил рубочный люк, выслушал доклады Джона и Зеленого. Перекрестился.

– Средний вперед. Погружение!

Раскаленный пар из паросборника хлынул в цилиндры. Лодка двинулась вперед. Том и кавторанг открыли захлопки систерн главного балласта. Корпус наполнился шумом воды, ворвавшейся в емкости снаружи прочного корпуса. Через иллюминаторы Берг увидел, как постепенно затапливает палубу. Лодку удерживает только пара кубических ярдов воздуха в верхней части рубки.

– Принять балласт до половины объема малых систерн.

Вода закрыла иллюминаторы, но погружаться судно упорно не хочет.

– Идем с дифферентом на корму, сэр!

– Джон, рули в минус двадцать градусов, Том – рули в плюс четыре. Никандр Ильич, отнесите, будьте любезны, переносной балласт в нос и сами там оставайтесь.

Перестарались. «Щука» начала проваливаться, зацепив брюхом по песку. Судорожные действия экипажа в обратном порядке исправили дело секунд за пять до того, как Берг был готов отдать команду на продувку носовых систерн.

Вынырнув раз рубкой над поверхностью и снова свалившись к песчаному дну, лодка соизволила успокоиться на глубине восьми-деяти футов. Под килем осталось всего футов пять.

– Том, на сколько хватит пара при поддержании такой скорости?

– Минут пятнадцать, сэр!

Берг поставил Малыша за штурвал, а сам втиснулся в зад-

нюю часть рубки, прильнув к перископу. Изображение не слишком четкое, мешают брызги и волны, но корабли на рейде разглядеть можно. Стало быть, скрытно подкрасться и натворить беды в неприятельских рядах.

– Право руля. Приготовиться к всплыванию.

Когда-нибудь эти действия дойдут до автоматизма: закрыть захлопки балластных систем, отвернуть вентили магистралей высокого давления на продувку, задние рули ноль, передние плюс десять. Том начал лихорадочно переводить машинное на надводный режим.

Капитан субмарины снова взялся за рукоятки штурвала. Зеленого он отправил наружу принимать швартовы. Ювелирно прижавшись бортом к кранцам, чтобы не повредить рули, не побежал навстреч адмиралам, а спустился в отсек, шепнув:

– Друзья! У нас получилось!

Они обнялись втроем, переживая потрясающий миг – их лодка действительно подводная. Они смогли сделать чудо, вернувшись из глубины.

Экипаж вылез на палубу. Аплодировали все, даже министр. Александровский хлопнул пару раз для приличия.

Выбравшись на причал, Берг вытянулся перед адмиралом. Хотелось отдать честь, но не положено – он по-прежнему партикулярная личность.

– Ваше высокопревосходительство! Потаенная лодка «Щука» показала расчетную управляемость в подводном со-

стоянии на двух узлах. Нареканий по техническому состоянию нет. Лодка вскорости будет готова к опытам с гальваническими моторами. Благодарим Морское министерство за поддержку. Капитан Берг.

– Молодец, капитан. Когда на электричестве покажете?

– Через неделю. Надобно балласт переместить к носу.

– Непременно желаю присутствовать. Удачи вам, мичман.

Когда трое подводников остались, наконец, одни и еще раз поздравили друг друга с первым успехом, Берг несколько охладил чувства.

– Коллеги, устойчивым ходом наши прыжки называть рано. Я так мыслю, лодка должна погрузиться по середину рубки и далее слушаться рулей. О чувствительности балансировки я слышан, но не ждал, что удержать ее ровно окажется столь сложно. Под воду мы ушли не раньше чем через четверть часа с команды «приготовиться к погружению», половину пара выработали, катаясь по поверхности.

– КЭп, гальванических элементов у нас только на показуху, перед адмиралами красоваться. Мысль есть. Пока неполным экипажем ходим, нужно затащить в нос пару баллонов поперечником не больше двух футов, чтоб через люк втянуть. Уголек, сможешь воздух с них в цилиндры пустить?

– Нет проблем, большой белый хозяин.

В Российской империи найти ненужные баллоны оказалось решительно невозможно. Берг заказал четыре. В ожидании резервуаров решили каждый день выходить и нырять

на пару, после чего отправились отметить.

4

В качестве ориентира автором выбраны параметры субмарины Холланда, первой боевой подлодки ВМФ США.

5

Мощность электродвигателей в XIX веке иногда называли в индикаторных силах, приравнивая к мощностям аналогичных паровых двигателей, самых распространенных в ту эпоху. Мощность в индикаторных силах характеризуется силой давления пара на единицу площади. Для краткости изложения перевод индикаторных сил в лошадиные силы и киловатты опущен.

Глава четвертая

Утро 3 октября оказалось штормящим, независимо от погоды.

– Зря вы так, кэп, – выговаривал Джон, доставивший вчера начальственное тело домой из ресторации. – Привычку надо иметь. Даром что вы русский, хоть и немец.

Подводники пропустили мимо ушей путаные речи товарища, мешающего русские и английские слова. Им было плохо.

Морской кронштадтский ветерок отрезвил компанию. «Щука» встретила хозяев неммым укором – вы резвились, а я

осталась одна. Берг выбил трубку, извиняющимся движением погладил релинг и скользнул в люк.

За время постройки темное и тесное нутро стало ближе родного дома. Запахи смазки, мазутной гари, теплого металла, шумы механизмов, шипение воздуха и гул воды создавали на борту неповторимую атмосферу. Миниатюрность лодки придала ей особый шарм. На огромных океанских кораблях человек чувствует себя маленьким винтиком: людей много, и они теряются в бесконечных отсеках и переходах. Здесь капитан лично контролирует каждый кубический фут пространства.

Протиснулся Том, распространяя незабвенный аромат перегара. Заскрипели вентили в машинном. Пока котел наберет давление, еще раз оговорили задачу.

– Парни, для начала промеряем глубину и ярдах на десяти-двенадцати ляжем на дно, потом всплывем. Проверяем дифферент на застопоренной машине. Далее добиваемся плавного погружения заполнением дополнительной систерны. Учимся аккуратно уходить на перископную глубину одними рулями в движении на двух узлах. Понятно?

– Чего тут не понять, – Джон икнул и извинился.

Берг сделал запись в судовом журнале и отправился наверх отдавать швартовы. По соседству суетилась команда Александровского.

На этот раз отвалили подальше и чуть в сторону от судовых маршрутов. Как только манометры показали нормаль-

ное давление в котле и воздушных баллонах, Берг скомандовал «приготовиться к погружению» и «погружение». Лодка опять пошла вниз с уклоном на корму. Как только иллюминаторы затянуло полумраком, в машинном отсеке раздался звонкий удар, и в корпус хлынул целый водопад.

– Продуть главные! – заорал Берг, бросившись вниз отдавать аварийный балласт.

«Щука» ткнулась носом в дно, корма высоко задралась. Дышать стало невыносимо – часть воды мгновенно вскипела, попав на горячую топку. Хуже, чем если вылить целое ведро на камни в русской бане, а вода продолжала прибывать.

– Где Джон?

В полумраке отсека, освещаемого двумя лампадками, из затопленной носовой части вынырнула голова ковбоя, на которую сверху полилась теплая соленая вода из машинного.

– Передние вентили открыты, лодка не всплывает!

– Кэп, давайте все трое в корму, дождемся, когда давление выровняется, и выплывем через задний люк, – предложил Том.

– Обождите. Джон, обе захлопки закрыл?

– Дьявол! – вместо пространных объяснений ковбой снова нырнул.

– Не поздно ли? – засомневался Том. – Весь сжатый воздух он мог в Балтику выдуть.

Американец выскочил на поверхность и хрипло схватил

воздух.

– Левого борта закрыл. Отдышусь только.

И точно, лодка начала всплывать кормой вверх.

– Остаться здесь, – рявкнул капитан, набрал полную грудь и нырнул в ледяную черноту.

Когда «Щука» высунула рубку из волн, вода в миделе плескалась по колено, нос был затоплен до подволока.

– Качать ручной помпой!

На осушение ушло часа четыре. Наконец кормовой отсек избавился от воды, Том развел пары. Помпа с машинным приводом живо вытолкнула остатки воды за борт.

На обратном пути «Щука» поднялась из моря на фут сверх обычного и кренилась с борта на борт из-за малого балласта. С берега никто ничего не заметил. Подумаешь – отошли, погрузились, всплыли. Только морячок, бросавший швартовочные концы, удивленно промолвил:

– Мокрые все.

Разбор причин отложили до завтра. Джон пытался было шпынять «уголька», но тот вышел невиновным. Сломался стопор захлопки вентиляционной трубы, сиречь заводская недоделка. Объяснения – почему самый удалый член экипажа не завернул носовые захлопки и чуть всех не утопил – у ковбоя не нашлось.

– Не знаю, что и сказать. Страшно стало, как никогда в жизни. Когда с «кольтом» против пятерых ходил и то не боялся. А тут – темень, пар, теснота, сверху жарыща, внизу ле-

дяная сырость. Под водой в носу холодно и вообще черно, как в заднице Тома. Ну и того... Короче, подвел я вас.

– Делаем выводы. – За неимением лучшей обстановки Берг восседал на пустой бочке в пяти ярдах от «Шуки». – Их много. Первое и главное. По пьяному делу да с похмела к кораблю и близко не приближаемся. Что в обычном флоте не гоже, на подлодке – смерть.

Соучастники потупились и пожали плечами. Возразить нечего.

– Далее. Моя и Бурачека ошибка, да и вы не подсказали. Люки открываются наружу, а обе захлопки внутрь. Рано или поздно их непременно должно выдавить. Духовую трубу режем. Герметизироваться она будет на рубке с открыванием наружу. На дымовой трубе клапан ставим подобным же образом. Обязанность их закрывать переходит ко мне. Отныне общее правило – все люки, лючки, клапана прочного корпуса открываются наружу и прижимаются давлением.

– Мастер, вы обещали выхлоп в воду организовать.

– Помню, Том. Газы после топки придется охлаждать и вентилятором отводить. Пока не будем усложнять. Третье. После погружения захлопки главного балласта закрывать немедленно. Чтобы воздух при всплытии зря не расходовался. И четвертое. Мы достойно себя показали. Лодку не бросили, в истерику не впали, разрешили аварийную ситуацию. Сами справились и своим ходом вернулись к причалу. Джон, не страшно снова под воду отправиться?

– Доверите? Больше не подведу. Только просьба есть.

Джон ковырнул сапогом брусчатку, словно нашкодивший отрок.

– Вы нами по-русски командуете. Пока соображу...

– Просьбу понял. Отказано. Я обещал тебе службу на флоте. «Щука» – русский корабль, хоть пока не военный. На его борту отныне будет только русский язык. Это я говорю тебе как немец англосаксу.

Американец ленился. Он вполне прилично понимал и говорил, иногда вставляя английские слова и не в силах освоить русское построение фраз. Том продвинулся гораздо дальше.

Переделка клапанов заняла у умельцев Кронштадтского паровозного завода две недели, заодно поспели баллоны. До середины ноября учились ходить под водой на сжатом воздухе, получая насмешки от экипажа Александровского. Дважды рвало трубу высокого давления, на глубине сорока пяти футов открылись новые течи. День в море – два-три дня в ремонте.

Когда над Балтикой закружились первые белые мухи и даже настырная команда фотографа начала готовиться к зимнему подъему на кильблоки, Берг сообщил Якоби о готовности к длинному переходу под электричеством.

Академик примчался незамедлительно, прихватив с собой электротехника. Осмотрев начинку лодки и проверив приборами гальванические элементы, пришел к неутеши-

тельному выводу, что они пострадали от воды.

– Господа, предлагаю сделать выход на том, что есть. Пару узлов минут пятнадцать-двадцать батарея выдержит. Перед комиссией установим новые.

Хмурым и ветреным утром в «Щуку» втиснулось пятеро. В ее крохотном пространстве, укрытом от ветра и согретом теплом машины, оказалось куда уютнее, чем на причале. Кораблик двигался на запад, уходя от мелей Маркизовой лужи. Там электродвигатели впервые отсоединились от паровой машины. До этого их якоря вращались вхолостую как маховики.

Академик подмигнул Тому и повернул рубильник. Моторы дружно загудели. Чуть запахло озоном.

– Три с половиной узла над водой, – откликнулся Джон, глядевший на циферблат лага. – Под парами мы разгонялись до семи.

– Пока достаточно.

Якоби остановил движки, гудение стихло. Остался лишь шум воды за бортом. Он кивнул капитану – ныряем.

– Приготовиться к погружению!

Как и в любом деле, постепенно приходит опыт. Привычные движения руками, и лодка за пару минут полностью отрезана от атмосферы.

– Погружение!

Ничто не может быть противоестественнее для моряка, нежели пустить забортную воду внутрь судна. Разве что раз-

вести костер в пороховом погребе. Четыре двадцатидюймовых люка, именуемых захлопками, выпускают воздух из систем, с бурлением выходящий по обе стороны легкого корпуса. Снизу вместо воздуха через большие незапираемые отверстия-шпигаты вливается Балтийское море. Лодка опускается по иллюминаторы рубки.

– Борис Семенович, поехали! Джон, носовые рули минус десять. Держать глубину девять футов. Закрывать захлопки главного балласта.

«Щука» набирает малый ход и медленно скользит в глубину. Волны скрывают рубочный люк, только три трубы скользят над ними, как иглы плавника неведомого чудовища.

– Осмотреться в отсеках.

– Носовой, течи нет.

– Машинный, течи нет.

– Два с половиной узла под водой на полуразряженных батареях. Это успех, господа, – довольно прогудел Якоби. – Ныне обе электрические машины отдают на валу не более пятнадцати сил. На свежих аккумуляторах, полагаю, получится три с половиной узла.

– Так-то лучше, – отозвался Берг. – Ежели меньше двух узлов, лодка плохо слушается рулей. Пробуем погрузиться пониже.

Джон стравил половину воздуха из уравнительной системы и снова повернул маховик носовых рулей. «Щука» полностью исчезла с поверхности моря. Внутри раздался скрип

сдавливаемого остова.

– Не раздавит?

– Не должно, Борис Семенович. На шестьдесят футов спускались, расчетный запас прочности до сотни.

Мерцающие лампадки осветили напряженное лицо академика. Слово «расчетный» неприятно слышится, когда находишься в подводном, то есть практически затонувшем корабле, над тонким стальным листом подволока мириады тонн воды, а жизнь зависит от исправности нового и доселе весьма несовершенного механизма.

– Как только решим дело с аккумуляторами, нужно электрическое освещение пробовать. В лодке душно, лампадки тоже кислорода требуют.

– Вы правы, академик, – Берг уловил нервные нотки в голосе Якоби. – Погружение краткое, мы даже химические патроны не распаковывали. Скорость снижается, всплываем.

– Стоп! – непочтительно перебил капитана Джон. – Что есть этот звук?

Туф-туф-туф-туф... Прерывистый гул постепенно усиливался.

– Я слышал такой звук много раз, – заявил Том. – Когда машина застопорена, а мимо пароход проходит. Далекое еще.

– Право руля, держать на север. Всплываем под перископ. Томас, распечатай патрон, дышать нечем.

Механик смочил оксилитовую шашку, буквально через минуту воздух несколько посвежел. Берг прильнул к пери-

скопу.

– Мимо идет. Вовремя с его пути убрались. Курс – десять градусов. Всплываем.

Осталось неизвестным, что подумал вахтенный парохода, когда впереди и слева по курсу на поверхность вынырнул черный рукотворный кит. Берг, разглядывая громоздкую тушу и высокие мачты на ней, на секунду предположил, что судно могло идти под парусами. Все три трубы обломали бы о его киль, а то и рубку снесли. Нет, в толкотище Финского залива ходить вслепую – себе дороже.

– Том, духовая и дымовод открыты. Заводи машину.

Как только заработала топка, воздух в «Щуке» быстро очистился до конца. Приточный нагнетатель забирал его из машинного отделения, на смену которому засасывался свежий забортный, быстро нагреваемый жаром из топки. Одна напасть – лодку начало изрядно кидать на короткой волне.

Тем временем кораблик закончил поворот на восток и нагонял медленно плетущийся пароход, который прокладывал маршрут по Петровскому каналу в Кронштадт. Когда до его кормы осталось около полутора кабельтовых, Берг внезапно спросил ковбоя:

– Если погрузимся на перископную, удержишь ровную глубину, чтобы не залило трубы?

– Буду очень стараемым, Алекс. О'кей, рискнем. Вы стойте у захлопок, если я не справлюсь.

– Том, слышал? Уходим на глубину при работающей ма-

шине. Будь внимателен.

– Как у черта в зубах, сэр!

Якоби с помощником не сказали ни слова, хотя прекрасно поняли необычность положения. Трубы назначены к плаванью на поверхности во избежание захлестывания, но никак не на глубине, пусть такой малой. Не заdraивая приточку с дымоходом, «Щука» приняла главный балласт и ушла под воду. Джон притопил ее до верхушки люка одними лишь рулями, которых на пяти узлах лодка слушалась сказочно, не трогая малые систерны. Иногда трубы накрывало, рифленый настил под рубкой собрал изрядную лужу. Но топку не залило, видать, попадавшая в нее вода мигом испарялась. Качка унялась.

– Нужна еще пара клапанов, сэр, чтобы перекрывать доступ воды, когда волна набегает. Но и так хорошо идем, – отрапортовал Томас.

Вблизи от Котлина «Щука» отпустила пароход, всплыла и неспешно отшвартовалась на привычном месте. Академик схватил Берга за обе руки.

– Благодарю тот день, когда вы появились в моем кабинете! Для меня честь работать с вами.

– Полноте. Без ваших электрических машин сам замысел «Щуки» обречен на провал.

– Не скромничайте, Александр Маврикиевич. Когда намерены Краббе удивлять?

– Уж не знаю, успеем ли в этом году. Им представительно

нужно – с кораблем сопровождения, с комиссией.

– Набор гальванических батарей имеется. Мой человек и ваш механик их установят за день. Жду-с.

Нетерпение адмиралтейства оказалось столь велико, что публичный показ начался в студеных декабрьских водах, не дожидаясь весны. Морской министр не пустил Попова, рвавшегося в «Щуку». Свита разместилась на борту канонерки «Единорог», и в первых лучах скудного декабрьского солнца пара кораблей вышла в Финский залив.

– Шесть узлов даем, не отстает Берг, – одобрительно отметил министр. Он перегнулся через леер правого борта и с пристрастием наблюдал за «Щукой», следовавшей в кильватере.

Непривычный к зимним переходам, тем более на открытой палубе, Якоби трясся от холода. Горячие отсеки подлодки казались раем по сравнению со стужей на канонерке.

– Ваше высокопревосходительство! Со «Щуки» семафорят сбросить ход до четырех узлов.

– Снижайте, коли просят.

Субмарина догнала канонерку и двинулась параллельным курсом в кабельтове на правом траверзе. Берг нырнул в люк.

Академик, единственный в свите министра имевший опыт погружения, оказался в роли конферансье. Понимая нелепость положения, когда штатский рассказывает военным о новом, в перспективе – боевом корабле, Якоби начал так:

– Обратите внимание, господа, даже в надводном положении «Щука» малозаметна. Дым от скипидара серый и не столь приметный, как угольный чад.

– На сжатом воздухе вообще нет дыма, – едва слышно произнес соперник за спиной. Он переживал неприятнейшие минуты. Его судно вообще не добралось бы своим ходом в район испытаний.

– Конструктор со временем надеется отвести дым в воду, – добавил ученый, сдерживая дрожь во всех членах. – Обратите внимание, господа, лодка погрузится на глубину восьми футов, счисляя ее от отметки надводной ватерлинии. Паровая машина продолжает работать.

С увлеченностью исследователя он наблюдал за процессом, свидетелем которого был неделей раньше внутри субмарины. Волны накрыли палубу и захлестывали рубку. Вскоре и она ушла под воду, лишь изредка показывая люк.

– Обратите внимание, господа. Движение в таком положении требует точности поддержания глубины в пределах трех-пяти футов.

– А если нырнет глубже? – спросил Попов.

– Вода внутрь не пойдет, ее непременно остановят клапана. При погружении обе трубы закрыты особыми герметическими заслонками.

– Дым пропал, – заметил Литке.

Якоби прокашлялся и попросил распорядиться о снижении скорости до трех узлов.

– Экипаж закрыл захлопки и затушил топку. Лодка может погрузиться глубже и пару миль пройти на остаточном давлении в паросборнике. Но по нашей договоренности подводный ход ожидается на гальванической тяге.

Минут через семь Краббе опустил бинокль и сердито заметил:

– Куда делись, прохвосты? Даже пузырей нет. Шест бы привязали с тряпицей. Не дай Бог как утопли?

Через двадцать минут министр начал закипать. Но меж волнами возник бурун, и ровно в таком же положении относительно «Единорога», как и до погружения, «Щука» выбралась на поверхность. Из обеих труб вырвались фонтанчики воды, точь-в-точь как из дыхала кита: экипаж осушил их воздухом высокого давления. Облегченно выдохнули члены комиссии. До этого лодка Александровского лежала на дне Невской губы часами. Но там пятнадцать футов глубины, здесь – все сорок, и «Щука» несется сломя голову в просторы Балтики.

– Как они сумели точно определить свое место? – спросил министр.

– Шум винтов канонерки отчетливо слышен. Капитан Берг держался справа от них.

– Отменно, господа! – Краббе обвел взглядом замерзшую комиссию. – Он нас чует, мы его нет. То есть может мину подвести, иную пакость учинить, а мы прознаем, лишь когда ко дну пойдем. Сколько он может под водой пробыть?

– На электричестве четыре часа при ходе два с половиной узла. То есть десять миль. На паровой машине миль триста на поверхности или двести пятьдесят под трубами. Внутри химические патроны есть, воздух освежают.

Краббе обернулся к Александровскому.

– Что вы на это скажете, господин титулярный советник? Фотограф выложил последний козырь.

– Мою лодку можно заправлять сжатым воздухом от любого нагнетателя. На «Щуке» стоят разовые гальванические элементы.

– В следующем сезоне поставим аккумуляторы, заряжаемые от динамо прямо на борту.

Адмирал спросил ученого, напирая на каждое слово:

– Означает ли сие, что «Щука» ограничена лишь запасом скипидара и способна пополнить заряд для подводного хода сама, в сотне миль от базы?

– Конечно, ваше высокопревосходительство.

– Я доложу генерал-адмиралу. Следуем в порт.

Канонерка описала циркуляцию. «Щука» повернула за ней и снова нырнула. Она, что живое существо, радовалась возможности резвиться под водой, пока батарея питает ее моторы. В Кронштадт вернулись затемно. Когда через пару дней лодку вытащили из воды на зимовку в эллинге, на балтийской воде появились первые льдинки, а Нева встала.

Уже на суше Берг пригласил компаньонов забраться внутрь.

– Триумфаторы! Поговорим о недостатках. Приборы наблюдения и управления у нас расположены неверно. Высокое положение штурвала хорошо лишь в одном – с того места отменный обзор через иллюминаторы рубки. Коли есть надобность в перископ заглянуть, я от штурвала отступаю на три фута назад, его хоть ногой верти.

Джон глянул наверх, в узкий рубочный проем, и попытался перевести ворох мыслей на русский язык, хотя бы и ломаный.

– Я думаю, кэп, мы не должны изобретать колесо. Штурвальный вахтенный пост есть у матроса. Он следит за курсом и слушает команды «лево на борт» и «право на борт». Как на нормальных судах. Добавляется контрольно-глубинный пост, о'кей. Я стою там обычно. Командир смотреть по сторонам, решать – куда идти, какая глубина. Понятно, я могу сгонять в нос, установить угол передних рулей. Механик не должен рули крутить. Так что пара штуртрросов есть нужно к задней рулевой паре. Мало матросов. Нужно много рук вентили и маховики крутить, когда погружение есть быстрое.

Александр с трудом перевел абракадабру Джона в нормальные понятия и согласился с замечаниями. Том почесал затылок.

– По уму выходит – на мидель нужно вентили выводить. И захлопок, и воздуха. Чтоб в одном месте управлялось. Выходит, для быстрого приема балласта или продувки четыре

пары рук нужны.

– До весны времени много. И на раздумья, и на переделки. Ежели строить корабль тонн на двести пятьдесят – триста, как у незабвенного фотохудожника или во французском «Плонже», думаю под рубкой главный пост устроить. Далее, негоже на ходу из люка высовываться, что твоя белка из дупла. Для надводной вахты мостик должен быть с леерами. Вахтенный с биноклем или трубой и сигнальщик не могут уместиться на почтовой карточке.

– Трубы? – напомнил Том.

– В дымовой нужда отпадет. Зрительную и духовую надо съемными делать или вдвигать внутрь. Они изрядно мешают под водой. Чуете, как скорость падает, когда с девяти футов на пятнадцать уходим? Трубы тормозят. Не говоря о том, что под килем больших кораблей проходить придется. Александровский давеча подобным циркачеством адмиралтейцев порадовал – у него на лодке только одна труба на пару футов.

– Эх, сэр Алекс! Вы так говорите, что скоро опять на завод пора.

– Ходить в море больше нравится? Джон, есть у меня на это одна мысль. Как только обкатаем «Щуку» с аккумуляторами, быть тебе на ней капитаном. Учить подводников, пробовать перевозить и ставить якорные мины. А я Тома заберу новый корабль строить.

– Когда? – встрепенулся ковбой.

– Гляди ж, как глаза загорелись. Жаждешь капитанский мундир примерять? Поверь, брат, от тебя капитанство не сбежит. Только надобно, чтоб великий князь «Щуку» выкупил и ассигнование на новую подлодку открыл.

Движения души великих мира сего есть тайна. Поэтому Берг не торопился загадывать, когда брату самодержца вздумается вновь обратить взор на «Щуку». Может, и никогда. Обязание выкупить удачную лодку – просто бумажка. Будет на то высочайшая воля к отказу, и приемная комиссия напишет: «неудобоприменима ибо къ полету не приспособлена». Извольте крылья опробовать...

Глава пятая

Константин Николаевич не подвел. Может, зря на Русь-матушку наговаривают, умные начинания пробиваются-таки на ней. А о ретроградах и консерваторах пусть говорят надворные советники, чьи прожекты навроде подводной лодки с вечным двигателем не получили казенной поддержки.

Великий князь отправил Бергу приглашение явиться под его светлы очи сразу после рождественских торжеств. В начальственной части Морского министерства подводник не был ни разу, несколько робел потому.

Генерал-адмирал держал на столе заключение адмиральской комиссии. Оно было на редкость хвалебным. «Щуку» рекомендовалось выкупить и принять на вооружение.

– Читаю и не знаю, что думать. Подводное плавание противоестественно. Ни один затонувший корабль не всплыл самостоятельно. Ваша лодка уходит в пучину, как гибнущее судно. Однако сама возвращается с «того света», побывав по ту сторону видимого нам мира, как это делают призраки и оборотни. В этом есть что-то мистическое, Александр Маврикиевич.[6]

– А если нанесет удар и бесследно скроется, нашим врагам останется только молиться, Ваше Императорское Высочество.

– Насколько я вижу, «Щука» пока не несет оружия.

– Так точно. В первую голову учились не топиться.

– Если верить моим флотоводцам, вы способны не только тонуть, но и всплывать.

Берг решил не поправлять августейшего чиновника объяснением разницы между «тонуть» и «погружаться».

– Следующий шаг – установка свинцовых аккумуляторов, ваше высокопревосходительство. Коли Якоби не подведет, в ближайшем году смонтирую направляющие и аппарат постановки мин под водой. «Щука» превратится в боевой корабль.

– Крайне смелый подход. Ныне мины расцениваются как оружие обороны.

– Если потаенно минировать гавань противника – чем не атака?

Константин Николаевич вытащил большой лист с черте-

жом лодки Александровского.

– Ваше преимущество – малое водоизмещение. «Щуку» можно везти по железной дороге, разведя вес на две платформы и сняв механизмы.

– Да, Ваше Императорское Высочество. Но в одном мой фотографический коллега прав – будущее за более крупными кораблями.

– Прискорбно. Россия связана по рукам и ногам Парижским мирным договором. Крым, Одесса и Новороссийск беззащитны, мы не имеем права строить флот против турок. Николаев спускает на воду только коммерческие пароходы. Малые суда, кои можно быстро переправить на юг из Балтики, одна из наших надежд.

Берг открыл папку.

– Это – эскизный проект большой субмарины, которую за неделю можно разобрать, перевезти в Николаев и собрать дней за десять.

Великий князь впился глазами в лист.

– Красиво. Вестимо, тоже Бурачек рисовал?

– Не только. Трудное выдалось дело. Господа Зеленой, Попов и другие руку приложить изволили.

Константин Николаевич снял очки, протер их тончайшим батистовым платком.

– Нелепица выходит. Адмиралы рисуют эскизы боевого корабля партикулярному лицу, из флота уволенному. Да, частная инициатива. Да, изрядная экономия казне. Но далее

продолжать так негоже.

– Что прикажете, Ваше Императорское Высочество?

Генерал-адмирал сдвинул в сторону чертеж лодки Александровского.

– Сегодня же пишете прошение на высочайшее имя о восстановлении на флоте.

– Слушаюсь, Ваше Императорское Высочество! – Берг вытянулся по стойке «смирно» и щелкнул каблуками, демонстрируя сохранность строевой выучки. – Разрешите уточнить, что со «Щукой» и ее экипажем?

– Сколько вы вложили в нее? Небось, тоже сто сорок тысяч?

– Никак нет. Девяносто. На аккумуляторы потребно доплатить еще шесть.

– Решено. Доложу Государю. Что говорить, на хорошее дело из своих выделю, не впервой. Сколько у вас людей?

– Всего двое, ваше высокопревосходительство.

– Это Попов решит, сколько нужно. Поступаете в его распоряжение.

– Есть.

Великий князь снова придвинул чертеж духовой подлодки Александровского. В нее вложены деньги, офицеры на службе... Чемодан без ручки – выбросить жалко и нести неудобно.

– Раз у нас два корабля и третьим Герн рано или поздно обрадует, надобно новый тип утверждать. Подводные кано-

нерки или миноносцы. Кстати, на вашем рисунке – что это за аппараты?

– Малые подводные брандеры. Англичанин Уайтхед их называет самодвижущимися минами, Александровский – торпедо.

Константин Николаевич что-то себе пометил.

– Насколько они совершенны?

– Новое оружие. Обещают много, на деле – как обычно.

– Значит, Александровского нацелим на торпедо. Свои развивать либо осваивать опыт англичан. С какой дистанции действует мина Уайтхеда?

– Крайне малой, ваше высокопревосходительство, около двух кабельтовых. Достать корабль ими возможно только с подлодки. Ночью, быть может, с малого катера. Южане поразили «Хаусатоник» шестовой миной, подкравшись к самому борту.

– От Уайтхеда мы оферту имеем, но дорого просит. Лодка на вашем наброске четыре торпеды везет. На четыре атаки?

– Не могу знать, пока опыты не провели. Думается мне, четыре торпедо – один утопший корабль. Одно торпедо сломается, второй промажет, третий взорвется, но малую брешь пробьет. Вот залп четырех в борт броненосца с полутора кабельтовых – ему верная смерть.

По задумчивому лицу августейшего флотоводца Берг понял, что для одного разговора слишком много тем. Константин Николаевич будет с адмиралами совещаться, а там ба-

бушка надвое сказала. Тот же Попов, будущий начальник, спит и видит построить лучший в мире броненосец – с самой толстой броней, мощными пушками, скоростью и дальностью хода. Это многие и многие миллионы, после которых на субмарины денег не хватит. Куда задвинут подводный флот – одному Богу известно.

Под вежливым и чуть высокомерным оком адъютанта Александр вывел «...покорнѣйше прошу» к восстановлению на флоте и предложение на покупку в казну «Щуки» за девяносто тысяч с условием оснащения свинцовыми аккумуляторами. Немного совестно перед парнями, что корабль – общую собственность – продал без их ведома. Но не говорить же брату Государя Императора: «обождите денек, посоветуюсь с негром Томом из Луизианы».

Берга с легкой августейшей руки восстановили на флоте с присвоением следующего звания – лейтенанта. Отныне для экипажа «Щуки» вольница кончилась. Мичман Рейнс и кондуктор Вашингтон, одетые в непривычную для них русскую форму, ежедневно с утра приходили на Кронштадтский пароходный завод, надзирая за работами на лодке. Жили они также на острове, главной базе Балтийского флота. За февраль окончили проект перестройки. Капитанское место в рубке или на мостике освободилось от штурвала. Капитан или вахтенный офицер отдавал команды на поворот или погружение-всплытие двум членам экипажа, находившимся под ним. Добавилась переговорная труба в машинное отде-

ление.

Совместно с Герном компаньоны собрали устройство отвода дыма в воду. Теплообменник с холодной водой остужал газы перед нагнетателем, который создавал разрежение в выпускной трубе и под давлением выбрасывал дым за борт.

Генерал дал несколько дельных советов по переустройству «Щуки». Ее штатный экипаж вырос до шести человек. Малый объем не позволил улучшить обитаемость. Камбуза нет, вместо галюна – ведро. С установкой аккумуляторов можно будет снять четыре носовых воздушных баллона и укрепить на их месте две подвесные койки для посменного отдыха. На крохотной «четверке» Герна не сделать и такого.

Александровский продолжал держаться особняком. Его лодка была наиболее доведена касательно устранения мелких грехов. Паровая машина и нагнетатель позволили увеличить район плавания. Но радикальных изменений он вносить не хотел. Воздушный двигатель развивал мощность в десятки индикаторных сил лишь в первые минуты после его запуска. На оставшихся десяти-пятнадцати после падения давления его лодка под водой с трудом давала полтора узла. Перископ и носовые рули он отказался ставить, не желая хоть что-то заимствовать у «Щуки», чем загнал себя в тупик.

В начале апреля 1869 года адмирал Попов собрал авторов подводных проектов и рассказал о неприятной новости. Казна намерена оплачивать броненосные корабли типа английского «Крейсера», канонерки и плавающие крепости. На три

параллельных и, по чести говоря, опытовых прожекта – денег нет. Генерал-адмирал постановил к первому июня провести сравнительные испытания. Далее комиссия Морского министерства решит: отдать ли предпочтение одной из потаенных лодок или прекратить расходы. Герн с Бергом сочли сие решение справедливым, а Александровский приуныл. В соперничестве он снова вложил свои деньги в лодку, влез в долги, полузаброшенная фотостудия особого дохода не приносила. Вдобавок шестеро из его экипажа запросились на «Щуку». Взяли троих.

Весь апрель маленькая команда субмарины погружалась на сжатом воздухе, вместо гальванических элементов катались чугунные чушки. В рубке хозяйничал капитан Рейнс, время от времени его место занимал старпом. Александр стоял за штурвалом, помогал в машинном или управлял носовыми рулями. В относительно спокойные периоды брал карандаш и заполнял каллиграфическим почерком толстую тетрадь. В ней постепенно собирался из отдельных мыслей Устав подводной службы. Если в первых выходах капитан кричал: «Том, прибавь оборотов» или «Джон, равняй носовые», ныне требовалось расписать единые команды, как на надводных боевых кораблях.

Военную форму надо менять. Маленькая фуражка – «нахимовка» – и то неудобна, в отсеках непременно ею цепляешься и только успевай подхватывать. С босой головой тоже не дело – макушка задевает о механизмы и вечно в цара-

пинах. На мостике желателен весьма резиновый плащ-штормовка.

В начале мая, пользуясь хорошей погодой, Берг задумал большой поход на полную дальность с несколькими погружениями. «Щука» за четырнадцать часов преодолела восемьдесят пять миль и добралась своим ходом до Гохланда, где стала на якорь на виду небольшого форта, расстрелянного англичанами в Крымскую войну и заново отстроенного. Подводники выбрались наружу. Над стенами крепости блеснула оптика: кто-то рассматривал непривычное суденышко в трубу. Джон вытащил сигнальные флажки. Через полчаса к «Щуке» подошел баркас. Командир гарнизона, немолодой тучный подполковник, неловко перелез на скользкую палубу, с любопытством глянул в люк, но от предложения спуститься отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.